

ЖУРНАЛ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLIII г.

№ 35

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. сот. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 1-го сентября 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярнонаучныя приложения“ за Сентябрь 1912 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Сентябрь 1912 г. съ 42 рис. и отдѣльн. листъ съ 28 черт. выкр. въ натур. величину и 28 рис. для вышиванія.

Профессоръ Альма-Тадема.
1836—1912.

Тайна.

Разсказъ Н. Олигера.

Перепечатка воспрещается.

I.

Кассы банка закрывались для публики въ половинѣ четвертаго. Потомъ еще съ полчаса или немного дольше служащіе закрывали счета, приводили въ порядокъ бумаги и документы. Въ четыре часа накладывались печати на дверь стальной комнаты, и банкъ пустѣлъ. Оставались только сторожа и дежурные артельщики.

У Аверкіева вчера жестоко болѣлъ верхній глазной зубъ, и весь день пришлось проходить съ обвязаннымъ лицомъ. Сегодня утромъ боль прекратилась, но какъ-то слишкомъ уже неожиданно, — сразу. Это было подозрительно, и, стоя за своей конторкой въ отдѣлѣ простыхъ текущихъ счетовъ, Аверкіевъ то и дѣло трогалъ щеку рукой и, наклонивъ голову на бокъ, прислушивался, не заболитъ ли. Гдѣ-то была открыта форточка: дуло.

Едва дождался окончанія операцій, мечтая о домашнемъ теплѣ и уютѣ, — и о маковой настойкѣ, которой хорошо полоскать ротъ въ качествѣ предупредительнаго средства. Послѣ звонка торопился заключать счета и подводить итоги. Отъ излишней торопливости, конечно, напуталъ и въ концѣ концовъ освободился однимъ изъ самыхъ послѣднихъ. Повязывая на ходу мягкое шерстяное кашне, направился къ выходу.

Въ широкомъ вестибюлѣ, надъ лѣстницей, цѣлая толпа: служащіе, сторожа, артельщики, прикомандированный къ банку городской. Загородили дорогу, и Аверкіеву поневолѣ пришлось остановиться и тоже смотрѣть на то, что привлекало почему-то общее вниманіе. Но изъ заднихъ рядовъ почти ничего не было видно и, только протолкавшись впередъ, Аверкіевъ разсмотрѣлъ дѣвочку лѣтъ девяти, съ бѣлокуроыми длинными волосами, хорошо одѣтую въ пушистую бѣлую шубку и мѣховой капоръ. Дѣвочка держалась прямо и твердо, аккуратно составивъ маленькія ножки въ теплыхъ гамашахъ, и смотрѣла куда-то въ неопредѣленно далекую точку ясными и холодными глазами. На лицахъ всѣхъ тѣхъ людей, которые тѣснымъ кольцомъ окружали дѣвочку, отчетливо запечатлѣлись острое любопытство и нѣкоторая недоумѣнная растерянность, а сама она одна только и была какъ-будто совсѣмъ спокойна.

Аверкіевъ тронулъ за плечо своего сослуживца по текущимъ счетамъ:

— Максимъ Петровичъ, что это?

Тотъ неопредѣленно мотнулъ головой:

— Да вотъ, видите: дѣвочка.

— Что—дѣвочка?

— Вотъ и никто не знаетъ—что?—вздыхнулъ Максимъ Петровичъ.—Сидѣла совсѣмъ одна здѣсь, на кругломъ диванчикѣ. Всѣ уходятъ, а она сидитъ. Ну, нашъ вахтеръ спросилъ ее, какъ она тутъ и почему... Потомъ городской тоже спрашивалъ. И ничего не добились... Неизвѣстно.

Минувшей осенью у Аверкіева умерла отъ какой-то длительной желудочной болѣзни старшая дочь. Умерла и остывала на рукахъ у отца, — и съ того времени онъ затаилъ въ себѣ какую-то особую, проникновенную нѣжность къ дѣтямъ, — къ невинному и безпомощному поколѣнію, которое радуется, какъ святые, и страдаетъ, какъ грѣшники. И такъ какъ сейчасъ всѣ присутствующіе, видимо, чувствовали себя нѣсколько растерянными и не знали, что дѣлать дальше, Аверкіевъ принялъ на себя активную роль, пробрался еще ближе къ дѣвочкѣ и, нагнувъ свою круглую съ мягкой розовой лысиной голову, спросилъ тѣмъ особымъ, слишкомъ ласковымъ тономъ, какимъ всегда разговариваютъ съ больными или обиженными дѣтьми любящіе родители:

— Ты одна сюда пришла, дѣвочка, или съ мамой?

Холодные и ясные глаза оторвались отъ неопредѣленно далекой точки, неторопливо поднялись вверхъ, къ лицу Аверкіева, и спокойно встрѣтились съ его взглядомъ:

— Одна.

Но сейчасъ же какая-то едва уловимая тѣнь пробѣжала по

спокойному лицу. И, не мѣняя тона, какъ-будто продолжая все одну и ту же мысль, дѣвочка поправила:

— Нѣтъ, не одна. Съ тетей.

Аверкіевъ потрогалъ кончикомъ пальцевъ щеку съ больнымъ зубомъ, потомъ выпрямилъ шею и взглянулъ на Максима Петровича. Тотъ раскачивался съ ноги на ногу, заложивъ руки въ карманы, и дѣлалъ глубокомысленное лицо. Убѣдившись, что съ этой стороны нельзя ожидать никакой существенной поддержки, Аверкіевъ рѣшилъ продолжать дѣло на собственный страхъ и рискъ:

— Ну, хорошо, дѣвочка. Стало-быть, ты пришла съ тетей? Такъ и запишемъ. А потомъ тетя, навѣрно, хлопотала по своимъ дѣламъ, забыла, что взяла тебя съ собой, и, покончивъ съ дѣлами, ушла... Ты не огорчайся, дѣвочка. Это бываетъ. Вотъ мы сейчасъ дадимъ знать твоей тетѣ и все уладимъ. Главное, ты не огорчайся.

Ясные глаза опять поднялись къ лицу Аверкіева.

— Она, кажется, и не того... Молодецъ-дѣвочка!—забормоталъ Максимъ Петровичъ. — Да вы узнайте фамилію и адресъ и наймите извозчика. Только и всего.

— Самое простое! — подтвердилъ съ солидной почтительностью швейцаръ. — Дѣвочка уже большая и разумная. Должна знать.

Артельщикъ громко шваркнулъ носомъ:

— Тоже и тети какія бываютъ... Свое же дитѣ забыла, хвостотренка!

Нѣсколько человѣкъ изъ очень спѣшившихъ сочли вопросъ исчерпаннымъ и отправились по домамъ.

— Обыкновенная исторія!—резюмировалъ кто-то.—Чего вы хотите? Въ большомъ городѣ...

Когда сгрудившаяся, охваченная однимъ и тѣмъ же интересомъ, толпа разсѣялась, Аверкіевъ вдругъ утратилъ всю свою увѣренность и подъ холоднымъ взглядомъ ребенка почувствовалъ себя совсѣмъ безпомощнымъ. Съ негодованіемъ воззвалъ къ Максиму Петровичу, который тоже собрался-было уходить:

— Да погодите же... Нельзя такъ! Вѣдь это — живой человекъ, а вы относитесь такъ, словно кто-нибудь зонтикъ обронилъ.

И, когда Максимъ Петровичъ застылъ на мѣстѣ въ нѣсколько неопредѣленной позѣ, готовый все-таки при первой возможности раздѣлаться со всей этой исторіей и уйти, — Аверкіевъ плотно прижалъ больную щеку всей ладонью и возобновилъ разговоръ съ дѣвочкой:

— Такъ вотъ, мы, конечно, все устроимъ, моя милая. Только ты, пожалуйста, не огорчайся и не бойся. Тебя какъ зовутъ?

Дѣвочка сдѣлала легкое движеніе, — какъ-будто беззвучно, но глубоко вздохнула. И смотрѣла прямо въ лицо Аверкіеву все тѣми же ясными глазами, такими чистыми, но въ то же время загадочно-глубокими.

— Екатериной меня зовутъ.—Кивнула головой въ подтвержденіе своихъ собственныхъ словъ.—Да, Екатериной.

— Такъ-съ! Опять запишемъ! — старался быть добрымъ и снисходительнымъ Аверкіевъ. — А фамилія? Ну, и улица, гдѣ твоя тетя живетъ? Ты вѣдь навѣрно уже грамотная. И фамилію и улицу,—все знаешь?

— Екатериной меня зовутъ! — настойчиво, но ровно повторилъ ребенокъ.

Тогда Аверкіевъ вытащилъ носовой платокъ, медленно расправилъ его, медленно высморкался и еще медленнѣе спряталъ платокъ обратно въ карманъ. Подумалъ, отчетливо вырисовывая, словно выговаривая каждое слово своей мысли:

„Зубъ-то разболится не на шутку, пожалуй... И зачѣмъ было связываться? Дѣвочка чудная какая-то. Глупая или какъ?“

Другое, внутреннее, безсловное сознание подсказывало:

„Нѣтъ, не глупая. Что-то другое“.

И это же сознание увѣряло еще настойчивѣе:

„А связался, конечно, напрасно. Ни къ чему.“

Городовой съ оранжевымъ шнуромъ наблюдалъ до сихъ поръ за всѣмъ происходящимъ спокойно и равнодушно. И лицо у него было такое приспособленное къ этому равнодушію, жесткое и желто-бурое, словно выдѣланное изъ жесткой подошвенной кожи. Это равнодушіе однакоже особенно привлекало сейчасъ разстроеннаго Аверкіева. Справившись наконецъ съ платкомъ и все-таки не возстановивъ утраченнаго равновѣсія, онъ перевелъ свой взглядъ со свѣтлаго лица дѣвочки на оранжевый шнуръ и спросилъ неуверенно:

— Какъ же теперь?

Городовой сразу же выяснилъ:

— Къ господину приставу—не иначе. Потому какъ они сами сейчасъ безпрѣменно въ участкѣ... Они озаботятся...

— Но какъ же это? — весь цѣликомъ огорчился и обмякъ Аверкіевъ. — Таковую дѣвочку, — очевидно, изъ хорошаго дома, — и вдругъ въ участокъ! Тамъ у васъ грубость, грязь, пьяные... Мало ли чего насмотрится...

И уже безъ прежней, слегка приторной, ласковости, а очень настойчиво обратился къ ребенку:

— Но, милая... Вѣдь ты должна же знать... Ты большая уже. Лѣтъ восемь—девять навѣрное есть. Неужели ты даже фамиліи своей не помнишь? Или тетя эта самая... Гдѣ она живетъ? Далеко? Близко?

Допрашивая, Аверкіевъ даже слегка вспотѣлъ отъ страстнаго желанія получить отвѣтъ, вполне соответствующій такому простому, въ сущности, случаю, — и, стало-быть, тоже простой и ясный. Максимъ Петровичъ нацѣлилъ ухо въ сторону дѣвочки. Даже городовой собралъ въ нѣсколько крупныхъ складокъ свое лицо, но дѣвочка, все такая же спокойная, въ ловко сидящей бѣлой шубкѣ и бѣлыхъ толстыхъ гамашахъ, попрежнему смотрѣла въ неопредѣленную далекую точку и отвѣтила чуть-чуть усталымъ, но не дрогнувшимъ голосомъ:

— Не знаю. Я ничего не знаю.

— Городовой правъ! — нетерпѣливо теребилъ себя за бороду Максимъ Петровичъ. — Тамъ, въ участкѣ, имѣются всѣ средства для того, чтобы добраться до истины, а здѣсь мы только даромъ теряемъ время. У меня въ пансіонѣ, на примѣръ, табль'д'отъ, я опоздаю къ обычному часу, а это неприятно. Дѣвочка или капризничаетъ, или... Ну, вообще тамъ... Если тетя дѣйствительно ее потеряла, то, конечно, прежде всего обратится къ полиціи.

Швейцаръ сочувственно брякнулъ медалями — и посоветовалъ-было городовому самому доставить дѣвочку, куда слѣдуетъ, но тотъ рѣшительно отказался: здѣсь, на лѣстницѣ, онъ все равно, что на посту, а постъ безъ смѣны оставлять не полагается. Мало ли что бываетъ. Можетъ-быть, экспроприаторы, на примѣръ, нарочно всю эту штуку подстроили, а потомъ отвѣчай...

— Сами бы вы и съѣздили, господа! Прекрасное будетъ дѣло. Потому, какъ вы лица почтенныя и ни въ чемъ не замѣчены... Вамъ господинъ приставъ полное уваженіе окажутъ.

— Я-то, собственно, домой! — уклончиво заговорилъ Максимъ Петровичъ.

Аверкіевъ ухватилъ его подъ локоть:

— Глупости! Ѣдемте вмѣстѣ. А обѣдать у меня будете. У насъ дома сегодня отличная ветчина съ горошкомъ. И разговаривать нечего.

И вотъ всѣ трое — Максимъ Петровичъ, Аверкіевъ и дѣвочка — сидятъ въ тѣсныхъ извозчичьихъ санкахъ, притянутые полостью, отороченной облѣзлымъ медвѣжьимъ мѣхомъ. Двое взрослыхъ сидятъ совсѣмъ бокомъ; имъ очень неудобно, но они боятся стѣснить дѣвочку, которую Аверкіевъ придерживаетъ лѣвой рукой, чтобы она не выпала на какомъ-нибудь крутомъ поворотѣ.

До участка довольно далеко, минутъ двадцать ѣзды, но за первую половину дороги ни тотъ ни другой не раскрываютъ рта. И дѣвочка тоже молчитъ, защищая лицо отъ холоднаго вѣтра маленькой муфтой изъ бѣлаго барашка. Аверкіеву странно, что она боится холода. Кажется, что она сама должна быть холодной, какъ ледъ. И рука, которой онъ придерживаетъ дѣвочку, очень забнеетъ со стороны ладони.

Максимъ Петровичъ пытается смотрѣть въ корень вещей.

— Ну, хорошо. Предположимъ, что полиціи еще ничего неизвѣстно... О потерѣ дѣвочки никто не заявлялъ... и даже не за-

явить, по крайней мѣрѣ — въ ближайшемъ будущемъ. Тогда какъ же? Неужели въ участкѣ ее оставить?

Аверкіевъ вдругъ обидѣлся:

— Глупости какія... Вѣчно вы болтаете чортъ знаетъ что... Какой тутъ можетъ быть разговоръ объ участкѣ?

— А все-таки?

— Ну, мало ли что тамъ будетъ... Во-первыхъ, ваше предположеніе... По моему мнѣнію, оно ни на чемъ не основано, это предположеніе... А затѣмъ...

Рука зябла все сильнѣе. И все сильнѣе росло нелѣпое, бессмысленное желаніе отодвинуться дальше, еще дальше отъ этой холодной дѣвочки, — не прикасаться къ ней. Но въ то же время сохранялась и крѣпла разъ появившаяся нѣжность къ этому безпомощному и, можетъ-быть, намѣренно покинутому существу. Эту нѣжность хотѣлось сохранить и взлелѣять еще больше, а ненужное, нелѣпое смущеніе совсѣмъ отринуть, забыть о немъ.

— Въ участкѣ во всякомъ случаѣ она не останется, если даже ваше предположеніе справедливо, — чего, конечно, и быть не можетъ, — твердо выговорилъ Аверкіевъ и, поборовъ свою слабость, обнялъ тѣснѣе бѣлую шубку дѣвочки. — Въ участкѣ она не останется.

— А какъ же?

— Очень просто. Вы вѣдь знаете, что у насъ дома все осталось нетронутымъ послѣ Вѣрочки. Даже кровать ея до сихъ поръ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Ну, и можно будетъ всѣмъ этимъ воспользоваться... на нѣсколько дней или недѣль даже...

— А еще отрицаете пользу благотворительности! — усмѣхнулся было Максимъ Петровичъ, но сейчасъ же сдѣлалъ серьезное лицо: — вы не рѣшайте такъ, съ кондачка. Надо бы обдумать серьезнѣе. Супруга ваша, конечно, ничего не будетъ имѣть противъ, но съ другой стороны... Знаете, мало ли какія могутъ получиться неожиданныя осложненія. Будущее невѣдомо, поскольку оно не открывается намъ всевѣднѣемъ представителей потусторонняго міра...

Такъ они ѣхали въ участокъ и обсуждали судьбу найденной дѣвочки. Скрипъ полозьевъ наполовину заглушалъ ихъ голоса, но все же дѣвочка должна была слышать, о чемъ именно они говорили. Должна была, но не слышала. По крайней мѣрѣ, когда Аверкіевъ, нагнувшись, заглядывалъ въ ея лицо, закрытое до самыхъ глазъ барашковой муфтой, онъ не могъ уловить въ этихъ глазахъ никакого оттѣнка интереса или даже простого вниманія.

Въ участокъ пріѣхали какъ разъ въ-время: приставъ уже надѣвалъ пальто, чтобы пойти домой, пообѣдать и хорошенько выспаться передъ вечерними часами службы. Неожиданная задержка ему совсѣмъ не понравилась, и онъ хотѣлъ-было свалить все дѣло на помощника, но Аверкіевъ, вручившій приставу свою визитную карточку, запротестовалъ:

— Нѣтъ, ужъ вы будьте любезны сами. Дѣло очень серьезное.

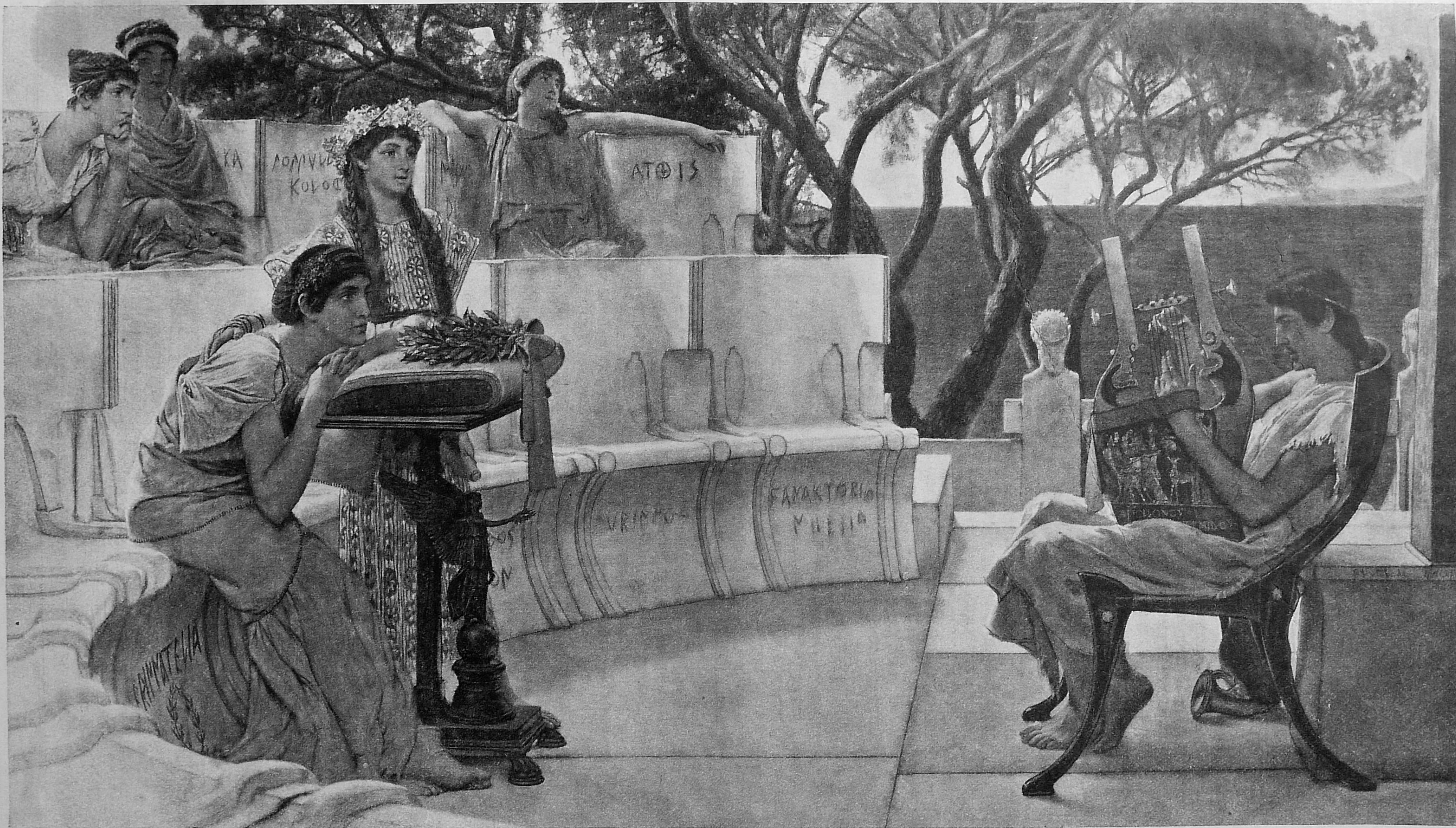
Съ чиновничьей методичностью изложилъ онъ приставу всѣ обстоятельства дѣла, а Максимъ Петровичъ въ особенно важныхъ пунктахъ кивалъ головой и поддакивалъ. Приставъ нетерпѣливо мялъ въ рукахъ фуражку, а когда Аверкіевъ исчерпалъ свою тему до конца — съѣлъ, не снимая пальто, за столъ, вынулъ какой-то бланкъ съ печатнымъ заголовкомъ и приготовился писать.

Дѣвочку посадили на неуклюжій казенный стулъ, и ея бѣленькія ножки далеко не хватили до полу. Какою-то удивительно неумѣстной, пришедшей совсѣмъ изъ другого міра казалась она, чистенькая и бѣлая, въ пыльной и загаженной обстановкѣ участка. Даже издавшій всякіе виды приставъ, видимо, почувствовалъ эту несообразность и велъ свой допросъ вѣжливо и предупредительно.

Новаго ничего не выяснилось. Зовутъ Екатериной — и только. Приставъ пожалъ плечами и положилъ перо:

— Ничего не могу сдѣлать въ данную минуту. Дѣвочка, очевидно, слишкомъ неразвита для своихъ лѣтъ, если только не молчитъ намѣренно. Бывали и такіе случаи... Поступимъ, стало-быть, въ законномъ порядкѣ, то-есть сдѣлаемъ публикаціи и передадимъ все производство въ сыскное... Тамъ ужъ разыщутъ. Со дна моря достанутъ эту самую тетюшку.

— А дѣвочку... тоже въ сыскное? — нерѣшительно спросилъ Аверкіевъ.

Альма-Тадема. Сафо.

Альма-Тадема. Последняя египетская казнь.

— На первое время—разумѣется. А оттуда, если дѣло затянется—помѣстятъ въ пріютъ. Существуютъ такіе при благотворительныхъ обществахъ. Сыта и одѣта будетъ, хотя, разумѣется, по сравненію съ ея прежней несомнѣнной обезпеченностью...

Приставъ вяло тянулъ слова и смотрѣлъ на своихъ посѣтителей припухшими и скучающими, но зоркими глазами стараго полицейскаго.

У Максима Петровича, при всей его лояльности, чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ выросла и окрѣпла непріязнь ко всякой грубой казенщинѣ, отъ которой пахнетъ сѣрымъ сукномъ и кислыми щами, а въ особенности — къ полиціи. Здѣсь, въ участкѣ, онъ положительно чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и вертѣлся на жесткомъ угловатомъ стулѣ еще нетерпѣливѣе пристава. То и дѣло поглядывалъ на своего сослуживца, но Аверкіевъ, обычно такой мягкій и податливый, сегодня сдѣлался необыкновенно настойчивъ и долго еще говорилъ, спрашивалъ, звонилъ по телефону и заставлялъ звонить пристава.

Къ высказанному Аверкіевымъ намѣренію взять дѣвочку къ себѣ домой приставъ отнесся совершенно равнодушно:

— Чтѣ жъ, это можно. Какъ хотите... Даже можете сами въ сыскное не заѣзжать. Мы пошлемъ туда срочное отношеніе со всѣми подробностями... Только кое-что придется оформить...

— А вы бы подумали предварительно!—безъ всякой надежды на успѣхъ увѣщевалъ Максимъ Петровичъ. — Особенно торопиться некуда. Можетъ-быть, сегодня же вечеромъ все разрѣшится самымъ благопріятнымъ образомъ... Переждите...

И самъ понемножку начиналъ убѣждаться, что Аверкіевъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ мистическаго флюида, и, слѣдовательно, обычныя матеріальныя воздѣйствія не должны привести ни къ какому результату. Съ оккультной точки зрѣнія это было даже пріятно, потому что подавало надежду на успѣхъ сеанса, посвященнаго прошлой и будущей судьбѣ загадочной дѣвочки.

Въ седьмомъ часу вечера, когда на улицахъ было уже темно, какъ ночью, два банковскихъ служащихъ сидѣли опять въ тѣсныхъ извозничьихъ санкахъ, и опять зябла у Аверкіева рука, которой онъ придерживалъ дѣвочку. Передъ этимъ пришлось-таки совершить цѣлую кучу формальностей, внутренне лишнихъ и ненужныхъ. У Аверкіева отобрали какія-то подписки, заставляли еще расписываться въ толстой шнуровой книгѣ и наконецъ вручили ему бѣлую дѣвочку вмѣстѣ съ официальнымъ документомъ, умѣстившимся на четвертушкѣ сѣровой бумаги. Этотъ документикъ благосклонно разрѣшалъ дѣвочкѣ до поры до времени существовать на бѣломъ свѣтѣ безъ узаконенныхъ фамиліи и званія, а съ однимъ только именемъ. И, лишь помѣстившись на извозчикѣ въ той же самой позѣ, какъ часа за два передъ этимъ, захлопотавшійся до головной боли Аверкіевъ понялъ ясно, что онъ совершилъ сейчасъ что-то совсѣмъ неожиданное, рѣзко выходящее изъ рамокъ обыденной жизни и тревожное этой своей неожиданностью. Захотѣлось страстно, чтобы ничего этого не было, чтобы все исчезло, скрылось, какъ дурной сонъ,—но свѣтлѣла въ отблескахъ фонарей бѣлая шубка дѣвочки, и зябла ладонь, осязательно и злобно подчеркивая дѣйствительность.

„И къ чему это?—съ тоской подумалъ Аверкіевъ.—Къ чему остановился на лѣстницѣ, когда могъ спокойно пройти мимо и ничего не узнать; къ чему заговорилъ съ дѣвочкой; къ чему вспомнилъ о Вѣрочкѣ и ослабѣлъ сердцемъ? Чтѣ же теперь? Хорошо еще, если, на примѣръ, только до завтра. А если дольше, много дольше? На всю жизнь? Чтѣ она такое и откуда? Почему молчать и смотреть такими прозрачными глазами, въ которыхъ ничего не прочесть?“

— Дѣти иногда бываютъ выдающимися медиумами!—глубокомысленно выговорилъ Максимъ Петровичъ, поднимая воротникъ пальто.—И дѣти, способныя быть медиумами, обычно отличаются нѣкоторыми странностями въ общемъ развитіи. На примѣръ: временная утрата памяти или память только на мысли, а не на матеріальныя явленія. Родители въ этомъ случаѣ тоже принадлежатъ къ исключительно матеріальнымъ явленіямъ.

— Бросьте! — досадливо отмахнулся свободной рукой Аверкіевъ. — Охота вамъ...

Максимъ Петровичъ посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ и сказалъ примирительно:

— Во всякомъ случаѣ я, по человѣчеству, вполне сочувствую

вашему поступку. Если бы я имѣлъ семью, то, можетъ-быть, сдѣлалъ бы то же самое. Но, понимаете, старые холостяки... они всегда немножко побаиваются дѣтей. Да, да, побаиваются. Слишкомъ ужъ далеки мы отъ особой дѣтской психологіи, которую такъ легко постигаютъ родители. Кроме того, я убѣжденъ, что все это скоро разъяснится.

— Вы думаете?

— Приставъ знаетъ. Они — люди опытные. Говорить, что это далеко не первый случай.

Аверкіевъ повелъ плечами, какъ-будто хотѣлъ стряхнуть съ себя всю тяжесть тревожныхъ мыслей. Конечно, при желаніи можно внушить себѣ чтѣ угодно, но лучше всего—отбросить всякія догадки и предположенія и считаться только съ фактами, съ трезвыми фактами. Жену онъ предупредилъ по телефону. Она знаетъ, въ чемъ дѣло, — и, конечно, относится ко всему этому именно такъ, какъ нужно.

Чтобы совсѣмъ успокоиться, Аверкіевъ на минуту отнялъ руку отъ бѣленькой шубки и ласково похлопалъ сослуживца по сутуловатой худощавой спинѣ.

— Ужъ вы, голубчикъ, не будьте въ претензіи, если обѣдъ окажется не совсѣмъ удачнымъ. Перестоялся навѣрное. За коньячкомъ я васъ угощу хорошимъ. Такого и въ нашемъ потустороннемъ мірѣ не видывали. Закусимъ ветчинкой,—за ветчину тоже ручаюсь, — а потомъ коньячку съ чернымъ кофе. Нравится?

II.

Жена у Аверкіева—невысокая, полная, всегда спокойная, съ бѣлой и пушистой, словно напудренной, кожей и русыми волосами. Имя у нея тоже мягкое и спокойное: Ульяна Мироновна.

Максиму Петровичу, который живетъ девятый годъ у строгой и сухой нѣмки, содержательницы маленькаго пансіона, Ульяна Мироновна всегда представляется какою-то особенно уютной и милой.

Въ квартирѣ у Аверкіевыхъ всегда свѣтло и чисто,—не по-казарменному чисто, а тоже какъ-то особенно, съ легонькимъ, располагающимъ къ сладкой лѣни, беспорядкомъ. Бдѣть здѣсь просто, но много и сытно,—не по-чиновничьи. Должно-быть, скъзывается купеческое происхожденіе хозяйки.

Сегодня вечеромъ, какъ и многіе десятки, даже сотни вечеровъ передъ этимъ, вся семья сидитъ въ гостиной. Хозяинъ играетъ съ Максимомъ Петровичемъ въ шахматы. Игроки медлительно и аккуратно передвигаютъ хорошенькія фигурки изъ мамонтовой кости, подаренныя три года тому назадъ самимъ Максимомъ Петровичемъ. А въ узкихъ хрустальныхъ рюмочкахъ искрится свѣтлой желтизной коньякъ.

Ульяна Мироновна какъ-будто ничего не дѣлаетъ, но въ то же время какъ-будто и занята. Иногда неслышными шагами исчезаетъ изъ гостиной, совѣщается о чемъ-то съ прислугой въ дальнемъ концѣ квартиры. Потомъ возвращается такъ же неслышно, принимается за какое-то вязанье, которое слишкомъ давно начато, чтобы могло когда-нибудь окончиться. Свѣтъ электрической лампочки падаетъ косо на ея покрытую пушкомъ полную щеку.

Младшая дочь—теперь единственная, потому что осенью умерла Вѣрочка—устроилась на коврѣ со своими игрушками. Въ дѣтской ей скучно, потому что нянька—глухая и всегда спитъ.

Все, какъ всегда, — но въ уголкѣ широкаго дивана сидитъ, разсматривая альбомъ съ открытками, новая бѣлая дѣвочка. Теперь она, впрочемъ, не совсѣмъ бѣлая, такъ какъ платье на ней голубое съ кружевами изъ суровой нити. Бѣлокурые длинные волосы заплетены въ двѣ аккуратныя косички, перевязанныя голубой ленточкой. Сейчасъ она кажется немного старше, чѣмъ тогда, на улицѣ, въ бѣлой шубкѣ и шапочкѣ,—но все же больше девяти лѣтъ дать ей нельзя.

Аверкіевъ сдѣлалъ чернымъ мать, — очень удачный, какого давно уже не бывало,—и, довольный, повернулся въ ту сторону, гдѣ сидѣла жена.

— Здорово я его срѣзалъ, Уличка! По всѣмъ правиламъ.

— Будто? Хвастунъ ты. Максимъ Петровичъ лучше тебя играетъ. Вотъ онъ двѣ задачи изъ журнала сразу же рѣшилъ, а ты цѣлую недѣлю бился.

— Чтѣ же задачи... Я не отрицаю. Для задачъ нужна особая

способность. А сейчас—не хвастовство, но фактъ. Положилъ на обѣ лопатки.

Аверкіевъ посмотрѣлъ еще немножко лѣвѣе и тамъ, за столикомъ, накрытымъ вышитой красной скатертью, увидѣлъ голубое пятно,—такое тихое-тихое. Только шелестять чуть слышно листы альбома.

— Олюша, ты бы поиграла съ новой дѣвочкой. Ей скучно.

Давно ужъ конченъ запоздавшій обѣдъ, и подходитъ къ концу ранній дѣтскій вечеръ, а ничего не прибавилось новаго за эти часы. Ничего новаго, кромѣ черточки, которая еще болѣе затемняетъ: дѣвочка ни о чемъ не спрашиваетъ. За обѣдомъ она ѣла съ обычнымъ аппетитомъ здороваго ребенка. Встала изъ-за стола и не поблагодарила. Кажется, все, что дѣлають для нея, она принимаетъ только, какъ должное. И никакой грусти, никакого волненія въ прозрачныхъ глазахъ. Словно у нея не было и нѣтъ никакого прошлаго. Такими были бы все люди въ первые дни своей жизни, если бы они приходили въ свѣтъ сознательными существами, а не жалкимъ комочкомъ теплаго мяса. Но какъ знать? Можетъ-быть, эта кажущаяся пустота, эта обманчивая прозрачность несетъ въ себѣ загадку, неразрѣшимую и темную.

Вотъ была же еще совсемъ недавно своя дочь, — Вѣрочка, почти тѣхъ же лѣтъ, того же роста, того же сложенія. И, бывало, сидѣла въ этомъ же уголкѣ широкаго дивана, и такъ же шуршала, какъ сейчасъ, подъ ея пальцами листки альбома. Но тогда все было такъ ясно и просто, и, казалось, нѣтъ такого излома, такой линіи въ дѣтской душѣ, которая не была бы вѣдома и понятна вся цѣликомъ, отъ начала до конца. И оттого, что такъ просты и знакомы были все близкія души, всегда представлялась простой и ясной и сама жизнь.

— Олюша!—сказалъ еще разъ Аверкіевъ и покачалъ головой.—Дѣвочкѣ скучно.

Онъ почему-то избѣгалъ до сихъ поръ называть новую дѣвочку по имени. Даже когда говорилъ съ нею, то старался, по возможности, выразиться въ третьемъ лицѣ.

Олюша сама была не прочь пріобрѣсти себѣ товарища для игръ и послушно подошла къ новой дѣвочкѣ. Новая дѣвочка опустила альбомъ на колѣни и ждала:

— Ты въ бумажныя куклы любишь играть?

Новая дѣвочка немного подумала, потомъ отвѣтила разсудительно и отчетливо:

— Не знаю. Я не знаю, что это такое.

— Ну, какъ же не знаешь? Это такія же куклы, только плоскія, потому что бумажныя. Сзади на нихъ смотрѣть нельзя, но зато можно одѣвать и раздѣвать. И можно дѣлать изъ нихъ сказки. И театръ тоже можно. Будешь?

— Хорошо. Только я не знаю, что это такое.

Голубое платице съ суровыми кружевами соскользнуло съ дивана, неспѣшно пробралось въ тотъ уголокъ гостиной, гдѣ разложила свои игрушки Олюша. Аверкіевъ отвелъ глаза отъ этого угла и, насильно раздвигая губы для улыбки, предложилъ гостю:

— Еще партію? На реваншъ?

Максимъ Петровичъ отказался:

— Нѣтъ ужъ, знаете. Чувствую, что не въ ударѣ. Мои умственные силы сегодня разсѣяны и не могутъ сосредоточиться въ одномъ фокусѣ. Лучше такъ себѣ побесѣдуемъ понемножку. Да скоро и домой пора. Я что-то утомился, знаете..

Ульяна Мироновна улыбнулась привѣтливо и неподдѣльно:

— Мы вамъ очень благодарны за участіе.

— Какое же тамъ участіе? Совершенно пассивное... И кромѣ того...—Замаялся, не зная, продолжать ли дальше, но заговорилъ опять, понизивъ голосъ до неразборчиваго полупрошота:—Я нѣсколько встревоженъ всеѣмъ совершившимся, потому что все время осезаю враждебные флюиды. Что? Не вѣрите флюидамъ? Хорошо. Для меня—флюиды, для васъ—нѣчто иное по наименованію, но не по психической сущности. Все равно, вторгаясь насильственно въ чужую индивидуальность, человекъ подвергается многимъ и неожиданнымъ опасностямъ. Вотъ сейчасъ уже вечеръ, и сегодня, конечно, ничего не будетъ. Такъ?

— Да... Теперь что же...—разсѣянно подтвердилъ Аверкіевъ.

— И вотъ, видите, петля стягивается тѣснѣе, и уголокъ вашихъ разсужденій мѣняется. Если сегодня—ничего, то почему завтра—все или даже что-нибудь?

Ульяна Мироновна не совсемъ хорошо понимала искусственно-сложную рѣчь гостя и, схватывая только общую суть его разсужденій, отвѣтила убѣжденно:

— Мало ли что могло задержать? Безпокойтесь не о чемъ. Вы всегда очень ужъ умничаєте, а случай-то самый простой и во всякомъ большомъ городѣ чуть не каждый день бываетъ. И мужа я вполне одобряю. Если ужъ привелъ Богъ перенести намъ обоимъ большое горе, такъ и къ чужой бѣдѣ мы должны относиться по-христіански.

— Да и христіанство тутъ ни при чемъ! — обрадованно поддержалъ Аверкіевъ.—Простое человеческое чувство.

Олюша шла изъ своего угла недовольная:

— Мама, она не играетъ.

— Что такое, дѣточка?

— Она не играетъ. Все думаетъ, а ни играетъ. Я ей говорю, что на Тамару надо обязательно надѣть желтую юбку и розовое платье, а она не слушаетъ.

— Вѣдь она старше тебя, дѣточка. Можетъ-быть, ей неинтересно... А спать тебѣ не пора?

Максимъ Петровичъ щелкнулъ пружинкой своихъ старинныхъ серебряныхъ часовъ съ какими-то загадочными изображеніями на крышкѣ. Часы, онъ говорилъ, были мистическіе, принадлежали когда-то самому великому Розенкрейцеру и имѣли теперь совершенно неопредѣлимую цѣнность. Ходили они, впрочемъ, довольно удовлетворительно и показывали сейчасъ своими толстыми стальными стрѣлками съ золотыми звѣздочками на концахъ ровно безъ четверти девять.

Ульяна Мироновна погладила дочь по включенной головкѣ, поправила сбившійся на сторону бантикъ:

— Видишь—пора. Пока молока напьешься, пока умоешься и зубы вычистишь—будетъ ровно девять. Вонъ у тебя уже глазки покраснѣли.

Голубая дѣвочка стояла въ томъ углу, куда привела ее Олюша, и разсѣянно мяла въ рукахъ бумажную куклу. А прозрачные глаза смотрѣли мимо игрушекъ, мимо всей комнаты во что-то неопредѣленно-далекое, какъ было и тамъ, въ вестибюлѣ банка. И, чтобы не встрѣчаться съ этимъ взглядомъ, Аверкіевъ взялъ въ руки рѣзную шахматную фигуру, разматривалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ. Повертѣвъ въ пальцахъ костяную королеву, передалъ ее Максиму Петровичу:

— Этакая жалость: трещина появилась на кости. Видите, вотъ тутъ,—черненькая. Должно-быть, упала когда-нибудь, а я и не замѣтилъ.

Максимъ Петровичъ тоже осмотрѣлъ фигурку и успокоилъ:

— Пустяки, поверхностная царапинка. Это и съ самаго начала такъ было.

И обоимъ сдѣлалось неловко отъ сознанія нелѣпой и немножко рабской трусости передъ открывшимся новымъ кусочкомъ жизни. Чтобы загладить эту неловкость, Аверкіевъ сказалъ съ преувеличенной развязностью:

— Дѣвочкѣ... Катѣ... Да, Катѣ тоже пора спать. Она навѣрное очень утомилась сегодня.

Ульяна Мироновна отстранила дочь, подошла къ новой дѣвочкѣ:

— Хочешь спать, милая?

— Это нужно?

— Да, конечно. Вѣдь ты же устала, и вообще тебѣ еще рано ложиться спать въ одно время со взрослыми.

— Хорошо.

— Пойдемъ, я покажу тебѣ твою кроватку. Поужинайте, а потомъ идите умываться вмѣстѣ съ Олюшей. Она покажетъ тебѣ все, что нужно.

Гость и хозяйинъ остались вдвоемъ. Заговорили-было о какихъ-то служебныхъ дѣлахъ, о новомъ управляющемъ, который собирается завести большія реформы и ходатайствовать объ измѣненіи устава, — но слова выходили нудныя и тяжелыя, не вязались одно съ другимъ, а мертво падали въ пустоту равнодушія. Замолчали, потому что достаточно знали другъ друга и не считали себя обязанными во что бы то ни стало разматывать безконечную нить бесѣды.

Въ пепельницѣ дымилась незатушенная папироса. Желто-синій дымъ поднимался высокой и тонкой струйкой въ неподвижномъ воздухѣ тепло натопленной комнаты, медленно и лѣниво сколь-

Альма-Тадема. Фредегонда.

зиль, поднявшись, къ дверямъ прихожей. Подъ танталовой лампочкой блестяль чисто протертымъ бемскимъ стекломъ портретъ родителей Аверкіева, — увеличенная фотографія, чуть тронутая акварелью. Отець — въ чиновничьемъ мундирѣ, съ указательнымъ пальцемъ, заложенымъ между двумя блестящими пуговицами. Мать — въ старинномъ платьѣ съ косынкой на плечахъ и съ кружевной наколкой на гладко причесанной сѣдой головѣ. Оба — прямые и твердые и довольные тѣмъ, что, позируя передъ стекляннымъ глазомъ аппарата, увѣковѣчиваютъ для потомства свои лица, пуговицы, ордена и косынки. Портретъ, очень похожій на этотъ, но обыкновеннаго кабинетнаго формата, вставленъ въ семейный альбомъ, — и на немъ изображены уже самъ Аверкіевъ и Ульяна Мироновна. Когда вырастетъ Олюша, она тоже отдастъ его увеличить и вставить въ раму подъ бемское стекло. И гдѣ-нибудь, въ другой, не похожей на эту, комнатѣ, желто-синій дымъ незагащенной папиросы будетъ ползти лѣниво мимо портрета отъ стола къ прихожей.

— Странно! — выговорилъ Аверкіевъ.

— Чтò?

— Да самъ не знаю — чтò. Все, можетъ-быть. Когда не думаешь, когда видишь и осязаешь только звуки, краски, слова и движенія — тогда все просто, ничего нѣтъ страннаго. И рождаются просто и умираютъ просто. Вотъ Вѣрочка умерла нелѣпо, безумно, — но тоже просто. А когда думаешь, то все дѣлается инымъ. Тогда — странно.

— Это только пока вы не оформили вашу мысль въ систему, не привели ее къ единому познанію. Хотя, конечно, ни одинъ смертный не можетъ даже приблизиться къ извѣстной загадкѣ. А вы все о дѣвочкѣ?

— Да. Изъ сыскаго дѣйствительно никакихъ извѣстій. Обѣщали сейчасъ же увѣдомить. Я думаю теперь, что ее и въ самомъ дѣлѣ оставили, бросили намѣренно. А ей самой внушили Богъ знаетъ какими средствами, чтобы она молчала. Понимаете? Ни тоски, ни сожалѣнія, ни жалобъ. Только молчаніе. Этотъ ребенокъ, несчастный ребенокъ, пережилъ — и сейчасъ переживаетъ — какую-то драму.

— Найдите ключи къ сердцу.

— Къ сердцу? Глаза, говорятъ, окна души. Поэты такъ увѣряютъ, читаль я гдѣ-то. А у ней — чтò? Вотъ если бы она заплакала, какъ настоящій ребенокъ, или капризничала просто — какъ бы легко стало

— Настоящій? А вы думаете...

— Думаю. Только оболочка ребенка, только видъ, только внѣшность.

И, положивъ руку на костлявое колѣно Максима Петровича, заговорилъ торопясь:

— Вы не думайте, что это — уже раскаяніе. Я даже радъ. Честное слово, радъ, что это не такъ просто, какъ я думалъ сначала. Пусть это будетъ крестомъ на насъ обоихъ. Можетъ-быть, мы должны искупить что-нибудь, а? Чтобы не было больше такого страданія, какъ тогда, съ покойной Вѣрочкой?

— Искупить? — машинально повторилъ Максимъ Петровичъ. Опять вытащилъ изъ кармана часы, но только повертѣлъ ихъ на ладони и спряталъ, не раскрывая. — Да. А вы вѣдь въ Христа не вѣруете.

— Все равно. Ни при чемъ тутъ.

Папироса давно дотлѣла до конца и погасла, а дымъ еще держался въ воздухѣ: послѣдніе, прозрачные клочья скользили передъ портретомъ. И Аверкіеву думалось, что это — мысли, такія тяжелыя, такія острыя, что, родившись, сдѣлались почти осязаемыми. Можетъ-быть, правъ и Максимъ Петровичъ съ его дѣхами и воплощеніями. Ничего нѣтъ простаго. Все сложно и загадочно.

Слышно, какъ въ столовой звенить посуда, — накрываютъ ужинать, какъ жалуются кухарка, что въ лавкѣ опять начали подмѣшивать въ молоко какую-то дрянъ: не то мѣлъ, не то известку. Потомъ пришли дѣти, уже умывшіяся на ночь, съ намоченными прядками волосъ на лбу и на вискахъ.

Сначала Олюша:

— Покойной ночи, дядя Макся. Покойной ночи, папуля.

Аверкіевъ обнялъ дѣвочку, вдыхая запахъ влажной и чистой дѣтской кожи и яичнаго мыла. Такое это было родное: и запахи, и лепетъ, и объятія. Захотѣлось остаться такъ долго, долго.

— Ой, папуля, больно! Смотри: пуговицей прямо въ щеку.

Новая дѣвочка терпѣливо дождалась своей очереди. Сказала обоимъ, хозяину и гостю, слегка наклоняя голову:

— Покойной ночи.

Уложивъ дѣтей, беззвучно выплыла въ гостиную Ульяна Мироновна. Бѣлыми, немножко черезчуръ уже пухлыми пальцами взялась за вязанье, которое никогда не будетъ кончено. И все размѣстилось, какъ должно, убѣжали послѣдніе дымные клочья, твердо и удовлетворенно смотрѣла чиновная чета сквозь бемское стекло. Максимъ Петровичъ благодарно посмотрѣлъ на хозяйку:

— Все то вы хлопочете, ходите... А безъ васъ скучно.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Синіе Острова.

Тайновидица Ночь приникаетъ ко мнѣ,
И во снѣ отдаюсь пѣвучей волнѣ.

Въ безбрежномъ сіяньи несусь и тону...
И я приплываю въ далекую страну,
Въ обитель зари, на воздушные острова
Изъ пѣны весеннихъ облаковъ,
Гдѣ лазурно синѣетъ листва
Голубыхъ кипарисовъ и дубовъ
И дрожитъ голубая трава.

Я смотрю — и неясному шороху внемлю:
Тамъ медленно движутся въ сапфирномъ свѣтѣ
Люди, покинувшіе землю:
Бѣлые старцы и бѣлыя дѣти,
Невѣсты въ цвѣтахъ подвѣчныхъ,
Легкіе отроки въ одеждахъ млечныхъ,
Утѣшенные страдалцы, получившіе отвѣтъ,
Радостные слѣпцы, узрѣвшіе свѣтъ,
Отдохнувшіе труженики, скрестившіе руки,
И влюбленные, послѣ долгой разлуки,
Въ нѣжномъ объятіи прильнувшіе грудь къ груди...

Медленно движутся умершіе люди
Въ синихъ лучахъ,
Отдыхая и качаясь на большихъ цвѣтахъ,
На туманныхъ цвѣтахъ съ высокими стеблями.
И рѣютъ надъ ними въ тишинѣ голубой,
Зажигаясь ледяными огоньками,
Снѣжныя звѣзды, — звѣзда за звѣздой, —

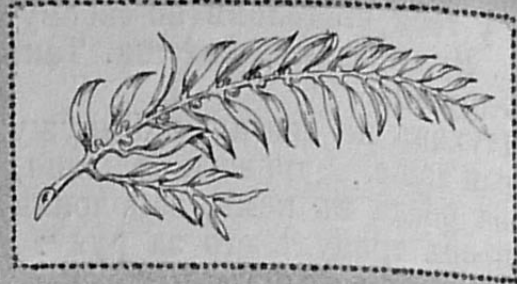
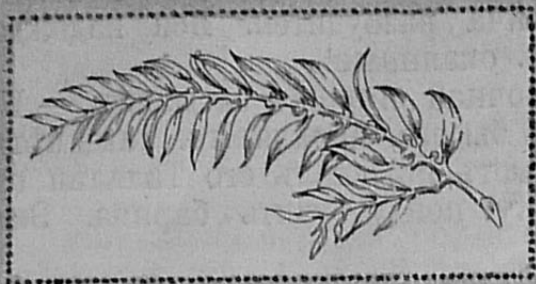
Въ красотѣ свѣтозарной и печально-суровой;
И падаютъ на бѣлые лики и покровы,
И вѣнчаютъ чело и волосы мертвыхъ...
Словно кружится рой неживыхъ мотыльковъ
Надъ гладью долинъ бездыханно-распростертыхъ, —
Смутный рой неживыхъ мотыльковъ.

Возлѣ бѣлыхъ людей я тихо иду
Лучистой тропинкой
И, смѣясь, ловлю пушистую звѣзду, —
Но она въ рукѣ моей таетъ росинкой.
Я хочу прилечь на большой цвѣтокъ
Между синихъ травъ, —
Но туманный стебель поникъ, задрожавъ,
И беззвучно опалъ лепестокъ...

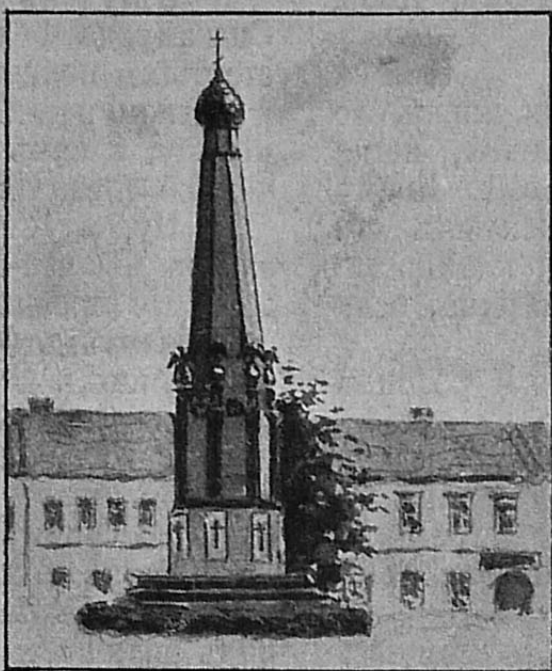
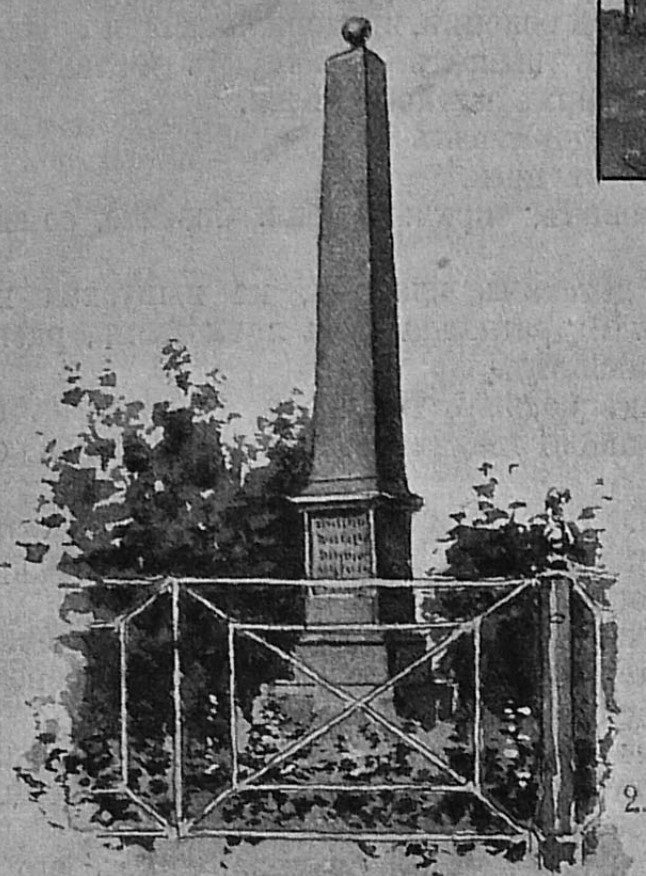
Я вижу качаніе мертвыхъ головъ
И смятенные шелесты, вздохи пробѣгаютъ:
„Тяжела, тяжела для нашихъ цвѣтовъ!
И такъ горяча, что звѣзды таютъ, —
Снѣжныя звѣзды, блеснувъ на ней, таютъ!“

И я отвѣчаю милымъ тѣнямъ:
„Не открывайте мнѣ ваши объятія,
Милые, милые сестры и братья, —
Я возвращаюсь къ инымъ берегамъ.
Скорби земныя еще со мной,
Вы бѣлѣе, чѣмъ пѣна, я — въ сумракъ одѣта...
И я не могу пройти по лучу свѣта:
Онъ потухаетъ подъ моею ногой!“

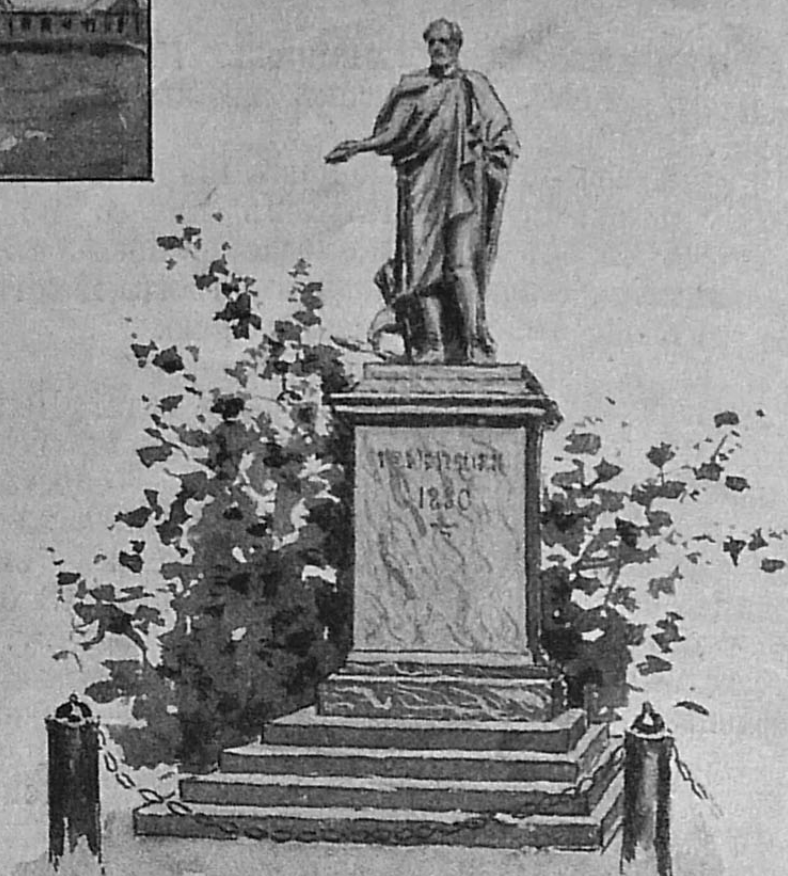
М. Пожарова.

1.

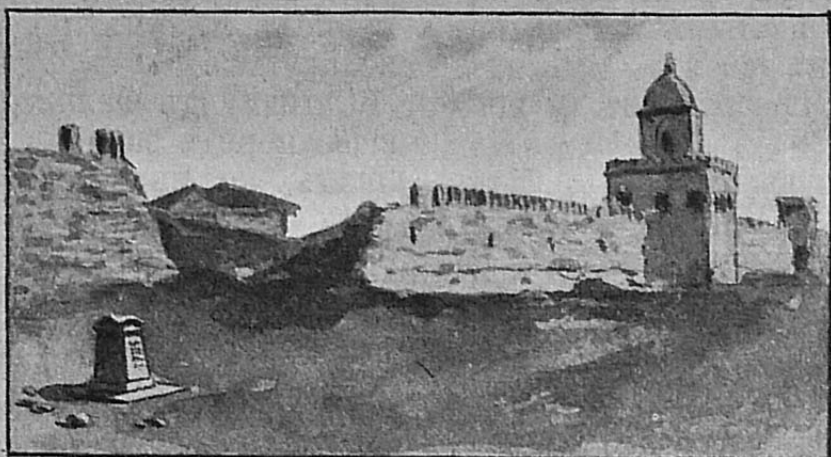
3.

4.

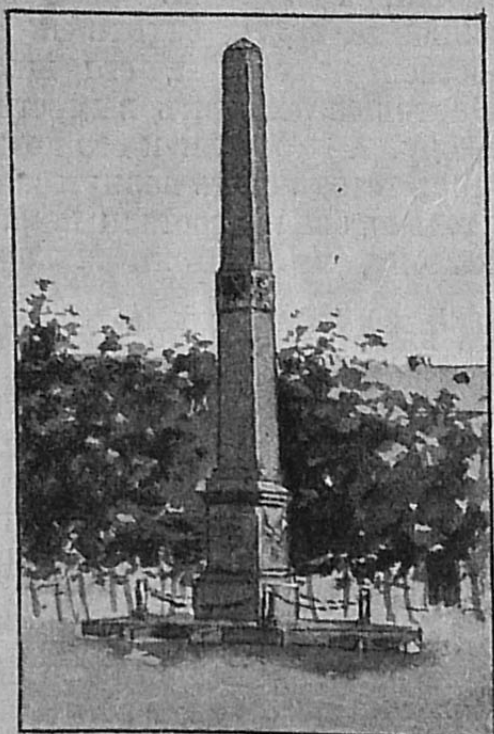
5.

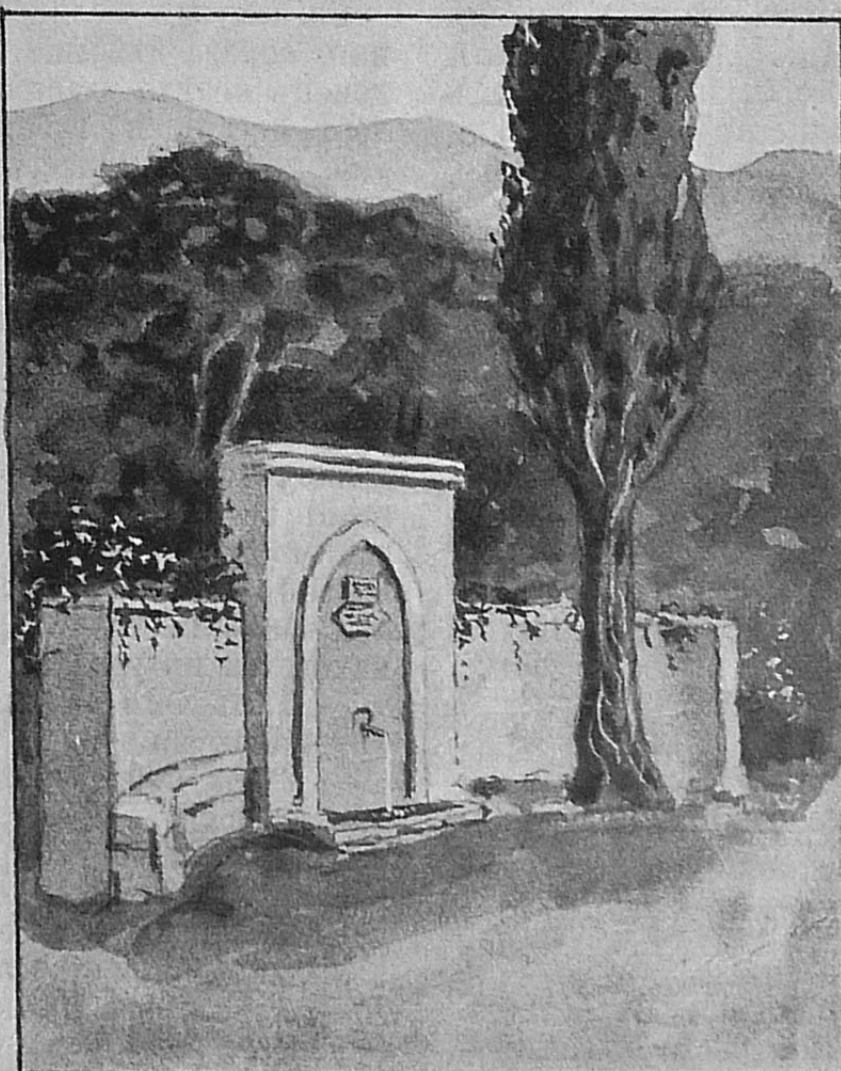
6.

7.

8.

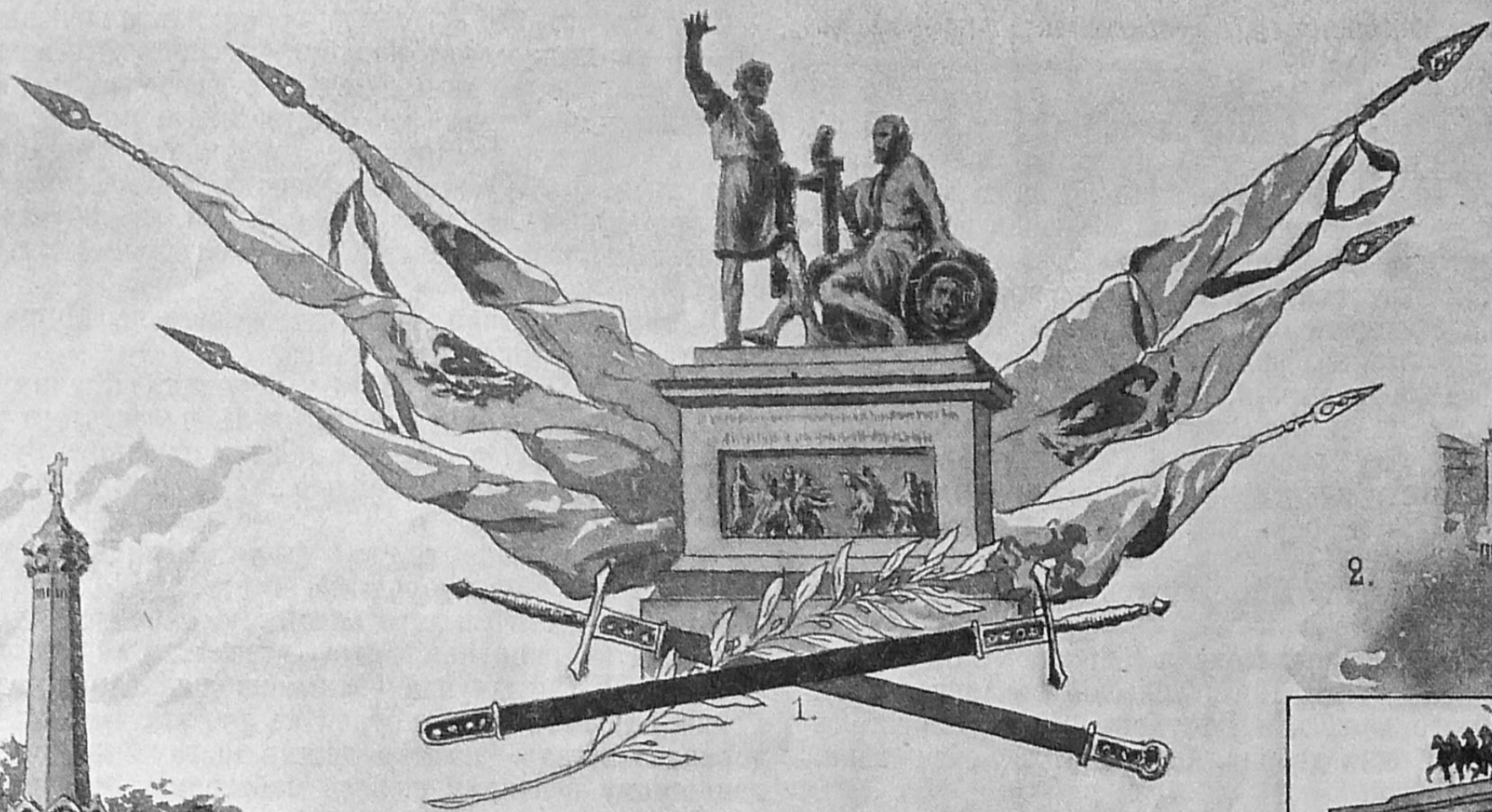
9.

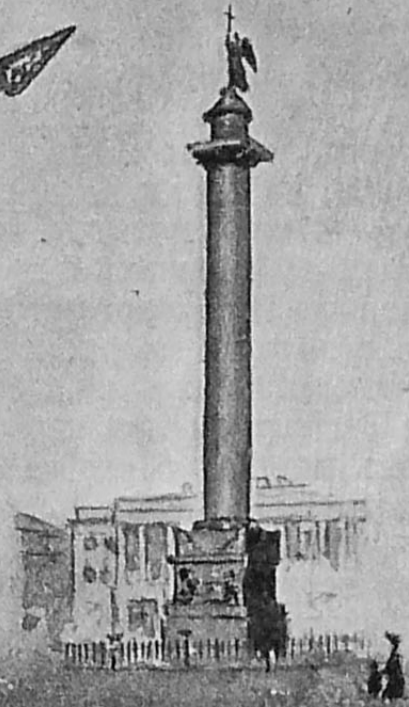
10.

1. Спасо-Бородницкiй монастырь. 2. Въ г. Оренбургѣ. 3. Въ г. Ковнѣ. 4. Императору Александру I въ г. Таганрогѣ. 5. Генералу Бистрому, близъ г. Ямбурга. 6. Энгельгардту въ г. Смоленскѣ. 7. У села Тарутина. 8. Въ г. Варшавѣ. 9. Въ Крыму у источника Суукъ-Су. 10. Въ г. Евпаторiи.

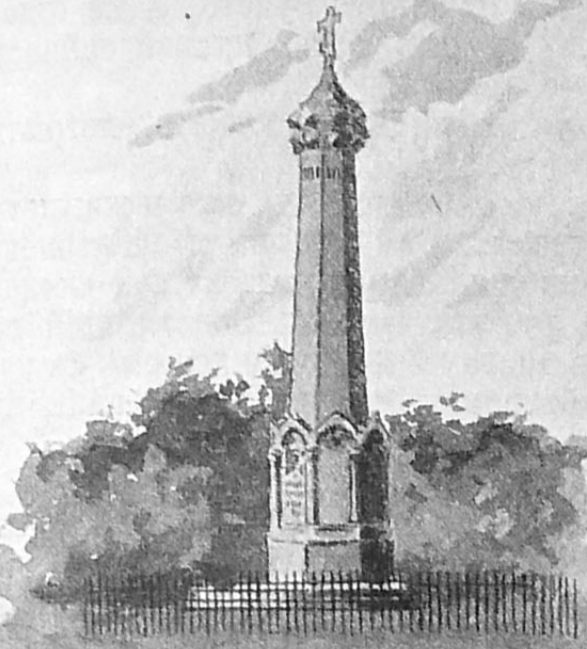
Памятники Отечественной войнѣ.

1.

2.

3.

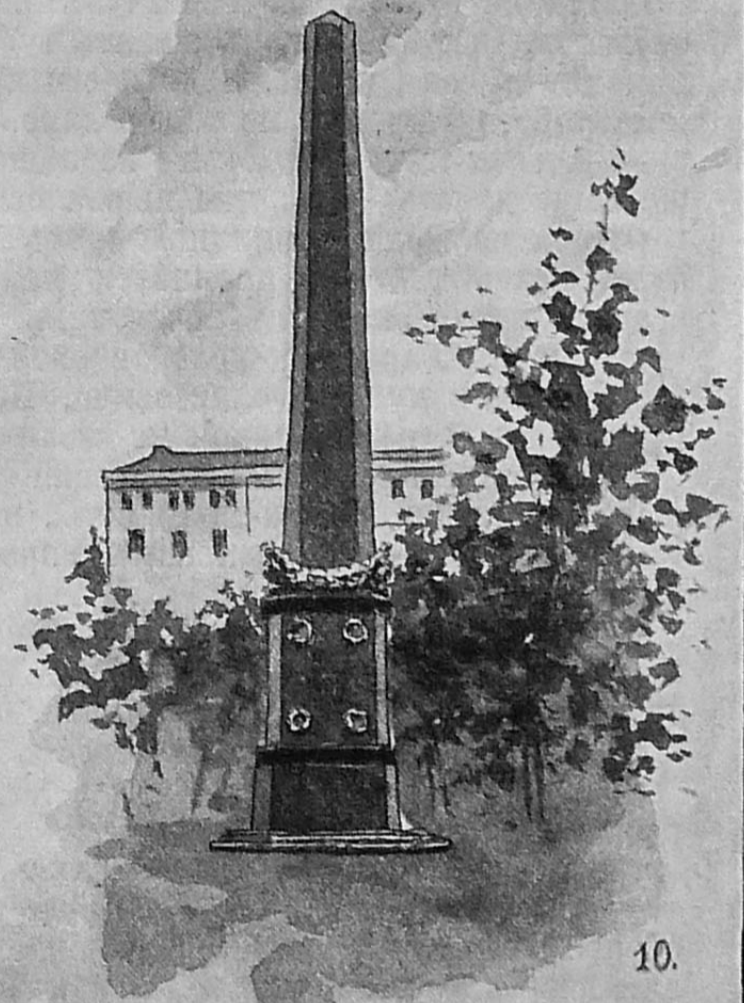
6.

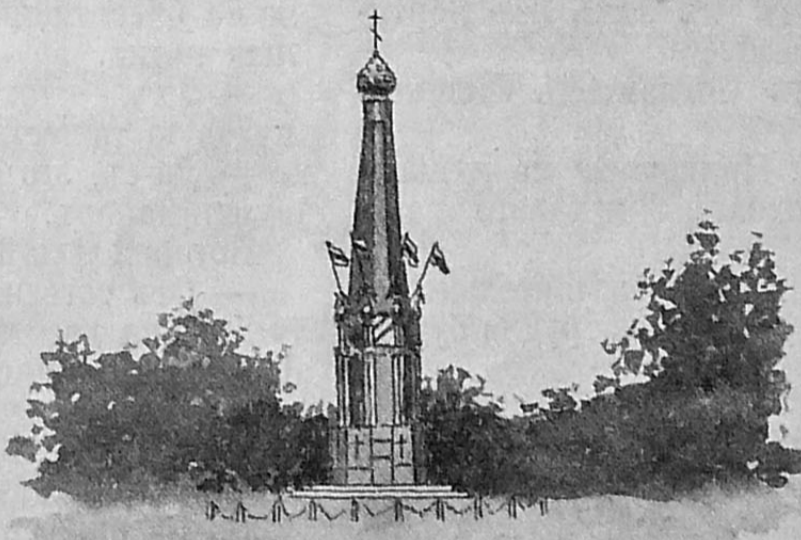
4.

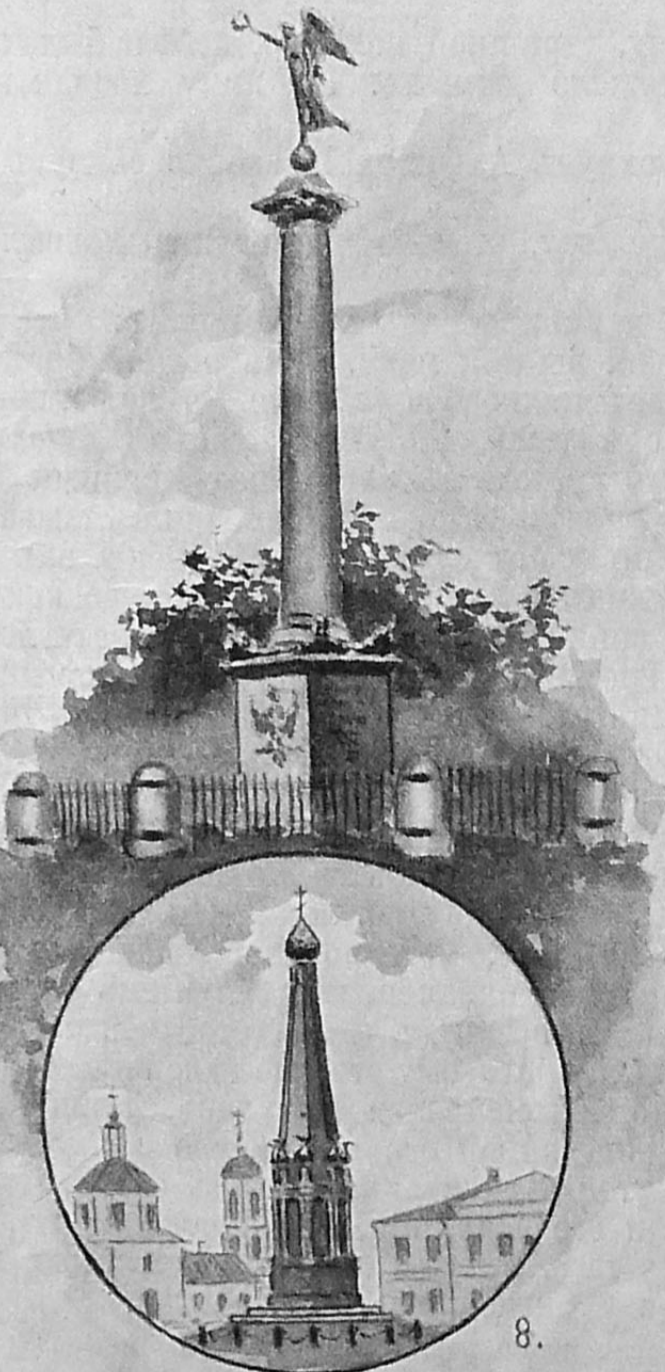
5.

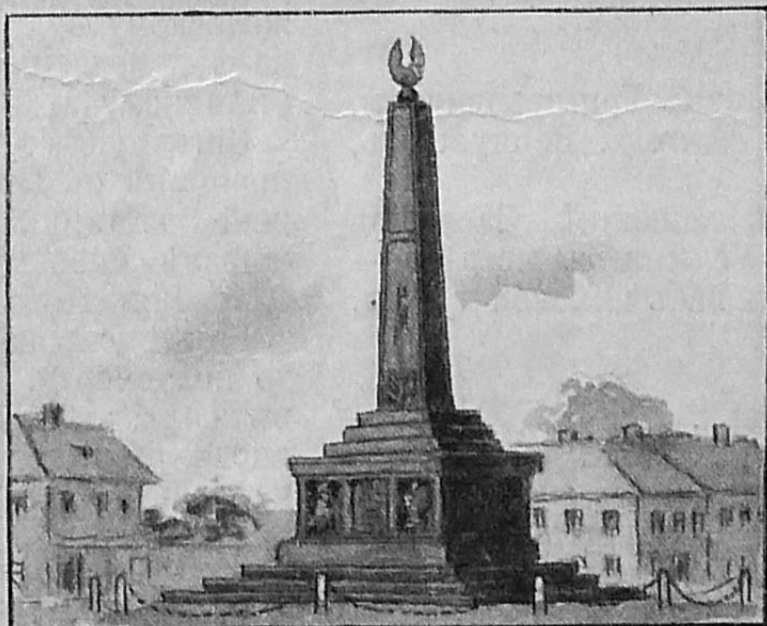
10.

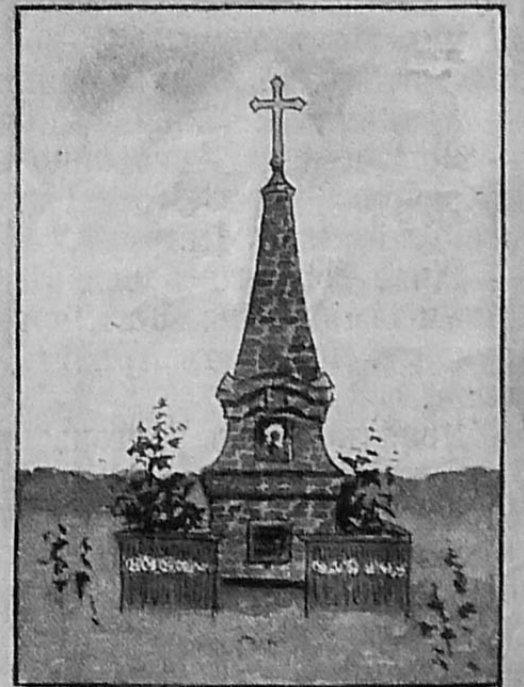
9.

8.

11.

12.

1 Минину и Пожарскому въ Москвѣ. 2. Александровская колонна въ СПб. 3. На Бородинскомъ полѣ. 4. Нарвская триумфальная арка въ СПб. 5. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. 6. Триумфальная арка въ Москвѣ. 7. Въ г. Ригѣ. 8. Въ г. Малоярославцѣ. 9. Въ г. Смоленскѣ. 10. Въ г. Калишѣ. 11. Въ г. Новгородѣ. 12. Близъ г. Медыни.

Памятники Отечественной войнѣ.

Юбилей страданія и славы.

Очеркъ.

(Продолженіе).

Измученныя, нравственно и физически истерзанная войска (у Кутузова оставалось всего только шесть батальоновъ пѣхоты, не бывшей еще въ огнѣ) стояли въ ночной мглѣ, какъ тѣни. И, подобно французамъ, въ эту ночь они еще не знали, побѣдили они или побѣждены...

Они узнали это только потомъ, когда Наполеонъ побѣждалъ изъ Москвы, и когда уже все стало ясно, что подъ Бородиною его армія получила смертельную рану...

Вотъ это значеніе и имѣетъ для насъ Бородино. Результатъ этого „безрезультатнаго“ сраженія былъ громадный. Оно причинило наполеоновской арміи смертельную рану. По инерціи она нѣкоторое время еще продолжала свое бытіе, но въ сущности послѣ Бородина начинается ея агонія. Она „докатилась“ до Москвы, потомъ покатила обратно изъ Москвы, но уже истекая кровью...

Въ этомъ сраженіи могъ устоять и устоялъ только тотъ, кто могъ, какъ Антей, прикоснуться къ землѣ и получить отъ нея новую мощь. Французы этого не смогли сдѣлать: у нихъ не было здѣсь земли. Ихъ земля осталась за три тысячи верстъ отсюда... А мы прикоснулись... Наша земля была у насъ, съ ея запасами, съ ея родной любовью... Кутузовскія войска склонились къ ней и встали потомъ—въ Тарутинѣ—освѣженными и усилившимися...

Но не легка была для насъ та рана, которую мы нанесли въ Бородинскомъ бою французамъ: болѣе пятидесяти тысячъ чело-вѣкъ легло на полѣ сраженія. Были убиты Тучковы, былъ смер-тельно раненъ Багратионъ. Тысячи русскихъ семействъ послѣ Бородина облеклись въ трауръ.

Но эта кровавая жертва, увеличенная потомъ Московской огненной жертвой, послужила тѣмъ кризисомъ, за которымъ началось медленное выздоровленіе. Бородино — переломъ Отечественной войны. До него война шла въ гору, послѣ него пошла подъ гору. До Бородина Наполеонъ сохранялъ свой ореолъ великаго военнаго гения и непререкаемаго военнаго авторитета. Послѣ Бородина начинается его быстрое развѣнчиваніе.

Страшная грозная туча Бородинской битвы разразилась огненнымъ ливнемъ московскаго пожара, а затѣмъ наступило облегченіе, которое всегда наступаетъ послѣ грозы. Скопившееся въ Россіи электричество страданія и ужаса разрядилось на Бородинскихъ поляхъ... Страданіе осталось надолго и позднѣе, но оно уже утратило характеръ безнадежности и мистическаго ужаса передъ Наполеономъ. Появились просвѣты...

Бородинская битва является переломомъ кампаніи двѣнадцатаго года только въ глазахъ историка. Въ глазахъ современниковъ, еще не предвидѣвшихъ, чѣмъ кончится нашествіе Наполеона, эта страшная битва казалась однимъ изъ явленій, знаменовавшихъ собою начало дальнѣйшихъ успѣховъ Наполеона. Русскіе люди съ недоумѣніемъ и ужасомъ говорили: „Что же это значить? Мы снова отступаемъ? Но куда же отступать дальше?“

Дальше дѣйствительно оставалась только Москва... Въ арміи у насъ, правда, господствовало до самаго послѣдняго момента убѣжденіе, что Москву не отдадимъ, по крайней мѣрѣ не отдадимъ безъ боя. И когда 1 сентября войска подошли къ Москвѣ, то Кутузовъ приказалъ выбрать позицію для новаго генеральнаго сраженія. Но сраженіе все-таки не состоялось. Былъ собранъ въ деревнѣ Филяхъ, въ избѣ крестьянина Андрея Савостьянова, военный совѣтъ, увѣковѣченный въ известной картинѣ художника А. Д. Кившенко и въ романѣ Толстого... На совѣтѣ присутствовали, кромѣ Кутузова, генералы Барклай де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ и Беннигсенъ. Какъ известно, совѣщавшіеся не пришли ни къ какому опредѣленному рѣшенію, и Кутузовъ былъ принужденъ принять на себя тяжесть единоличнаго рѣшенія.

Послѣ долгихъ преній онъ рѣшительно заявилъ, что, „доколѣ будетъ существовать армія и находится въ состояніи противиться

непріятелю, до тѣхъ поръ останется надежда счастливо довершить войну. Но по уничтоженіи арміи и Москвы Россія потеряна“, — и приказалъ отступить...

Съ этого момента началось то, чего такъ боялись русскіе и во что не вѣрили и о чемъ даже помыслить не могли въ началѣ войны: Москва была оставлена врагамъ въ добычу. Войска ушли отъ нея, не стали защищать ея. Кутузовъ, по словамъ очевидца, всю ночь послѣ совѣта въ Филяхъ не могъ уснуть, нѣсколько разъ принимался плакать и въ волненіи говорилъ: „Доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что они будутъ лошадиное мясо жрать!..“

Что дѣлалось въ это время въ Москвѣ и вокругъ нея? Несмотря на успокоительныя афишки Ростопчина, москвичи чувствовали опасность положенія и еще задолго до совѣта въ Филяхъ стали покидать злополучный городъ. А въ началѣ сентября, послѣ того, какъ стало ясно, что Москва предоставлена врагу, бѣгство изъ Москвы приняло характеръ панической. Вотъ что говорить по этому поводу очевидецъ:

„Только-что мы выѣхали на равнину (Московская дорога близъ Рязани), какъ представилось намъ зрѣлище, единственное и жалостное: какъ только могъ досягать взоръ, вся Московская дорога покрыта была въ нѣсколько рядовъ разными экипажами и пѣшими, бѣгущими изъ несчастной столицы, жителями. Одни другихъ выпереживали и спѣшили, гонимые страхомъ, въ каретахъ, коляскахъ, дрожкахъ и телѣгахъ, наскоро, кто въ чемъ могъ и успѣлъ, съ глазами заплаканными и пыльными лицами, окладенные дѣтьми различныхъ возрастовъ. А и того жалостнѣе: хорошо одѣтые мужчины и женщины брели пѣшіе, таща съ собою дѣтей своихъ и бѣдный запасъ пропитанія. Мать вела взрослыхъ, а отецъ въ телѣжкѣ или за плечами таскалъ тѣхъ, которые еще не могли ходить. Всякъ вышелъ наскоро, не приготовившись, бывъ постигнутъ нечаянно, и брели безъ цѣли и большею частью безъ денегъ и безъ хлѣба. Смотря на эту картину бѣдствія, невозможно было удержаться отъ слезъ. Гулъ отъ множества ѣдущихъ и идущихъ былъ слышенъ весьма издали, сливаясь въ воздухѣ, казался какимъ-то стономъ, потрясающимъ душу...“

То же самое происходило и по другимъ трактамъ—Владимірскому, Нижегородскому, Ярославскому. Въ Ростовѣ улицы были „зачерпнуты“ проѣзжающими и пѣшими. Жители московскіе бѣжали изъ своего родного города такъ же неудержимо, какъ разливается изъ опрокинутого сосуда вода. Наши войска отступали медленно. Французы шли за ними по пятамъ въ Москву. Чтобы выиграть время, ген. Милорадовичъ отправился парламентаремъ въ авангардъ Мюрата, завелъ съ нимъ долгіе переговоры, удачно и остроумно мистифицировалъ его и дѣйствительно выгадалъ нѣсколько часовъ времени для отступленія русскихъ войскъ чрезъ Москву.

Вернувшись въ Москву, Милорадовичъ увидѣлъ странное зрѣлище: одинъ изъ отрядовъ выступалъ изъ Кремля *съ музыкой*. Со всѣхъ сторонъ раздавались упреки. Солдаты и жители говорили:

— Какой это измѣнникъ радуется нашему несчастью?

На вопросъ Милорадовича начальникъ отряда объяснилъ, что въ регламентѣ Петра Великаго предписано покидать сдаваемую крѣпость съ музыкой.

— Да развѣ есть въ регламентѣ Петра Великаго что-либо о сдачѣ Москвы?—вскричалъ Милорадовичъ. — Прикажите замолчать вашей музыкѣ!

2 сентября Москва была уже пуста. Наполеонъ стоялъ въ этотъ день на Поклонной горѣ и ждалъ „депутаций“ изъ „завоеваннаго“ священнаго города. Ждалъ тщетно. Произошла та трагикомедія, на которой съ невольнымъ удовольствіемъ удовлетворенія народной гордости останавливается вниманіе, когда перечитываешь исторію этихъ историческихъ дней...

Совершилось одно из величайших мировых событий: патриотическое жертвоприношение цѣлой столицы, центра народной и государственной жизни. И совершилось такъ просто и почти неожиданно для самихъ патриотовъ-жертвователей. Кругомъ Москвы кипѣло страданіе, смятеніе, тоска разоренныхъ и обездоленныхъ москвичей, но въ самой Москвѣ было тихо и пусто.

И въ тотъ же день начались пожары, которые вскорѣ превратились въ тотъ неслыханный костеръ, въ которомъ сгорѣла слава смѣлаго корсиканца и возродилась въ новомъ, невиданномъ блескѣ наша національная слава.

Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ...
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь... Русь, впередъ...
Громче буря истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ...
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламя очищенья,
Это фениксовъ костеръ...

Въ этихъ стихахъ поэтъ (Языковъ) выразилъ героическую идею московскаго пожара... Другой поэтъ—болѣе глубокой и сильный, солнце нашей поэзіи, А. С. Пушкинъ,—въ чеканныхъ строфахъ „Евгенія Онѣгина“ отмѣтилъ величайшую психологическую ошибку Наполеона, не угадавшаго, съ какимъ противникомъ онъ имѣетъ дѣло:

Отселѣ, въ думу погружень,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.
Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара,
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Наполеонъ бранилъ русскихъ „варварами“ за этотъ „великодушный пожаръ“. Бѣдствіе для него и его арміи было громадное. Героическій пожаръ имѣлъ для него очень практическое послѣдствіе: три четверти Москвы выгорѣло; не было крова для его солдатъ. Несмотря на осень, завоеватели ютились сплошь и рядомъ на улицахъ. Не было припасовъ. Точно на смѣхъ, въ разоренной и сожженной столицѣ было много предметовъ роскоши, но не было необходимаго. Были цѣнные мѣха, ювелирные драгоценности, золото, серебро, но не было хлѣба для людей и фуража для скота. Во время рекогносцировокъ, т.-е. грабежа, французскіе солдаты находили въ городѣ вдоволь всего—и сахара, и кофе, и вина, но не находили хлѣба, мяса и овса... Не было также и матеріала для ремонта одежды: все сгорѣло или было вывезено заблаговременно изъ Москвы...

И вотъ тутъ-то „великая армія“ и стала мало-по-малу приобрѣтать тотъ маскарадный и убогий видъ, который потомъ послужилъ темой для всевозможныхъ шутокъ и каррикатуръ на нее... Тогда-то впервые пошли въ ходъ вмѣсто военныхъ мундировъ священническія ризы, дамскіе капоты и пр.

Станный и неописуемый видъ имѣла тогда сгорѣвшая Москва, населенная пришельцами. По городу блуждали словно тѣни представители чуждыхъ народовъ, попавшихъ словно жертвы какой-то сатанинской шутки въ тиски странной и непонятной нужды въ стѣнахъ чуждаго города за много земель отъ ихъ родины. Пробѣгая по городу, Наполеонъ, по словамъ современника, видѣлъ странную смѣсь утонченности и позорной нищеты, роскоши и голоданія. „У костровъ, сложенныхъ изъ дорогой мебели, среди разбитыхъ зеркалъ, разорванныхъ книгъ и картинъ, расколотыхъ въ щепы дорогихъ предметовъ, кипѣли котлы, въ которыхъ варились конина. (Исполнилось предсказаніе Кутузова). Подъ голымъ небомъ безъ всякаго присмотра валялись головы сахару, мѣшки кофе, цыбики чаю. А хлѣба ни у кого не было“...

Кто жегъ Москву? Вопросъ объ этомъ долго и страстно волновалъ міръ. Французы винили въ пожарѣ русскихъ, русскіе—французовъ. Наполеонъ обвинялъ въ этомъ „варварскомъ“ поступкѣ генераль-губернатора Ростопчина. Ростопчинъ сначала не признавалъ себя виновникомъ, но позднѣе, когда московскій пожаръ сталъ разсматриваться, какъ дѣло патриотически-подвигнутой руки, онъ уже не отрицался и былъ не прочь именоваться виновникомъ пожара...

Въ настоящее время, спустя сто лѣтъ, существуетъ мнѣніе, что Москва „сама сгорѣла“, что ее никто не жегъ, но она загорѣлась, какъ загорѣлся бы всякій городъ въ однородныхъ условіяхъ: не было ни присмотра за многочисленными уличными кострами ни противопожарной помощи. Къ тому же французы не умѣли обращаться съ русскими печами. Немудрено, что болѣе чѣмъ наполовину деревянный городъ, да еще въ сухое время, загорѣлся отъ легендарной „копеечной свѣчи“, т.-е., можетъ-быть, отъ искры костра, отъ выкинувшей загорѣвшейся золы и т. п. Некому было специально поджигать Москву, и некому было и тушить ее. А когда по всему городу разлилось огненное море, тогда оказалось, что и противопожарныхъ средствъ въ городѣ нѣтъ: не было ни пожарныхъ трубъ ни иныхъ инструментовъ. Они были заблаговременно вывезены или испорчены...

Нельзя однако отрицать и единичныхъ „патриотическихъ поджоговъ“, но во всякомъ случаѣ московскій пожаръ имѣлъ не одну причину, но цѣлый рядъ ихъ. И какъ и во всѣхъ событіяхъ Отечественной войны, здѣсь какъ бы пронеслось невидимое дыханіе Рока, создавшаго изъ московскаго пожара событіе, полное знаменательнаго значенія и стоящее въ логической связи со всѣми предыдущими и послѣдующими событіями. Чья-то незримая рука поставила это событіе въ центръ всего совершавшагося, освѣтило его какъ бы пламенемъ народнаго гнѣва и протянуло отъ него незримыя нити и къ Тарутину, и къ Березинѣ, и позднѣе къ Парижу.

„Кто обуялъ твой дивный умъ?“—спрашиваетъ поэтъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ „великій Наполеонъ“ быть настолько недальновиднымъ, чтобы допустить за пять недѣль своего владѣнія Москвою такъ много всякихъ безтактностей по отношенію къ врагу и такъ смертельно оскорбить его чувство? Трудно предположить, чтобы въ замыслы гениальнаго въ своей расчетливости корсиканца входило такое безмысленное дразненіе и растравливаніе русскихъ, какое онъ попустилъ въ Москвѣ, да еще накануне своихъ попытокъ заключить съ Александромъ миръ „во чтобы то ни стало“ (его собственныя слова Лористону, посланному имъ изъ Москвы съ предложеніемъ мира Кутузову). Между тѣмъ французы во время своего московскаго хозяйничанья только и дѣлали, что растравливали русскихъ и ввергали ихъ въ такой гнѣвъ, который не знаетъ ни снисхожденія ни прощенія...

Разстрѣлы ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ („поджигателей“), грабежи, насилія и издѣвательства надъ мирными жителями, а главное—безмысленное оскверненіе церквей, превращеніе ихъ въ хлѣвы, въ казармы. Развѣ поступаютъ такъ мудрые и тактичные завоеватели, рассчитывающіе на скорое и безболѣзненное заключеніе міра? Поистинѣ, „если Богъ хочетъ кого-нибудь наказать, то отниметъ у него разумъ“...

Такою же безтактностью было и повелѣніе взорвать Кремль, когда французы уже выступали изъ Москвы послѣ бесплоднаго и безмысленнаго сидѣнья на ея развалинахъ въ теченіе пяти недѣль... Зачѣмъ понадобилось Наполеону это варварство? Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить этотъ поступокъ, какъ только мстью москвичамъ за пожаръ. Наполеонъ какъ бы хотѣлъ сказать: „Вы совершили варварство противъ меня, вы подожгли Москву... Я плачу вамъ такимъ же варварствомъ: я не оставлю камня на камнѣ отъ вашего священнаго Кремля!“ Но этотъ актъ мести повлекъ за собой только сильное раздраженіе русскихъ, и яма, которую Наполеонъ рылъ самъ для себя, углубилась послѣ того еще больше...

Къ счастью, порохъ въ минахъ отсырѣлъ, и колоссальный взрывъ, приведенный въ исполненіе генераломъ Мортье, удался только отчасти. Но все-таки, по словамъ очевидцевъ, картина этого взрыва была ужасна...

Въ ночь съ 8 на 9 октября Мортье выступилъ со своимъ отрядомъ изъ Москвы, и немедленно начались взрывы. Первый ударъ былъ самый сильный. Земля затряслась, уцѣлѣвшіе отъ пожара дома дрогнули. Стѣны домовъ, даже вдали отъ мѣста взрыва, трескались, потолки обрушивались, людей подбрасывало на воздухъ. „Раздѣтые, израненные осколками стеколъ, камнями, желѣзомъ, несчастные выбѣгали въ ужасѣ на улицы. Непроницаемый мракъ окутывалъ Москву, холодный осенній дождь лилъ потоками. Отовсюду слышались дикіе крики, визгъ, стоны людей, раздавленныхъ падающими зданіями. Одинъ взрывъ слѣдовалъ за другимъ, земля не переставала колебаться. Все напоминало, казалось, послѣдній день міра“...

Въ Кремлѣ взлетѣли на воздухъ три башни со стороны набережной. До половины свалилась угловая башня, осыпался верхъ Никольскихъ воротъ до иконы св. Николая Чудотворца. Сгорѣлъ дворецъ, выгорѣла Грановитая палата, пострадали соборы. Мины были заложены подъ Василия Блаженнаго и Ивана Великаго, и только случайность (подмокли отъ проливня фитили) спасла отъ страшнаго разрушенія эти замѣчательные и безцѣнные памятники нашей старины...

Безцѣльное сидѣнье въ пустынной и сгорѣвшей Москвѣ послужило только къ тому, что армія Наполеона стала разлагаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ и тогда же началось разложениіе самой его идеи покорить Россію. Еще находясь въ Москвѣ, Наполеонъ сталъ дѣлать настойчивыя попытки заключить миръ. Мало того, онъ отдалъ приказъ генералу Лористону, посланному имъ къ Кутузову въ Тарутину, „заключить миръ во что бы то ни стало“... Это было уже паденіе...

Кутузовъ принялъ Лористона очень торжественно и даже попросилъ для этого случая у Коновницына новыя эполеты, такъ какъ у Кутузова эполеты оказались изношены и стары... Но на всѣ намеки французскаго генерала о крайней желательности мира онъ отвѣчалъ, что о мирѣ и рѣчи быть не можетъ...

Русскіе къ этой порѣ уже побѣдили французовъ духомъ. Оставалось побѣдить тѣломъ...

Залогъ этой окончательной побѣды уже имѣлся въ Тарутинскомъ сраженіи, которое хотя и было неудачно для насъ (мы упустили Мюрата, на котораго напали и потеряли убитымъ Багговута), но возбудило подъемъ духа въ арміи. Это было первое сраженіе послѣ долгаго московскаго перерыва, и притомъ мы здѣсь перешли уже въ наступленіе...

Въ поле съ завтракомъ. По этой мѣстности Латуръ-Мобуръ велъ атаку на дер. Семеновскую.

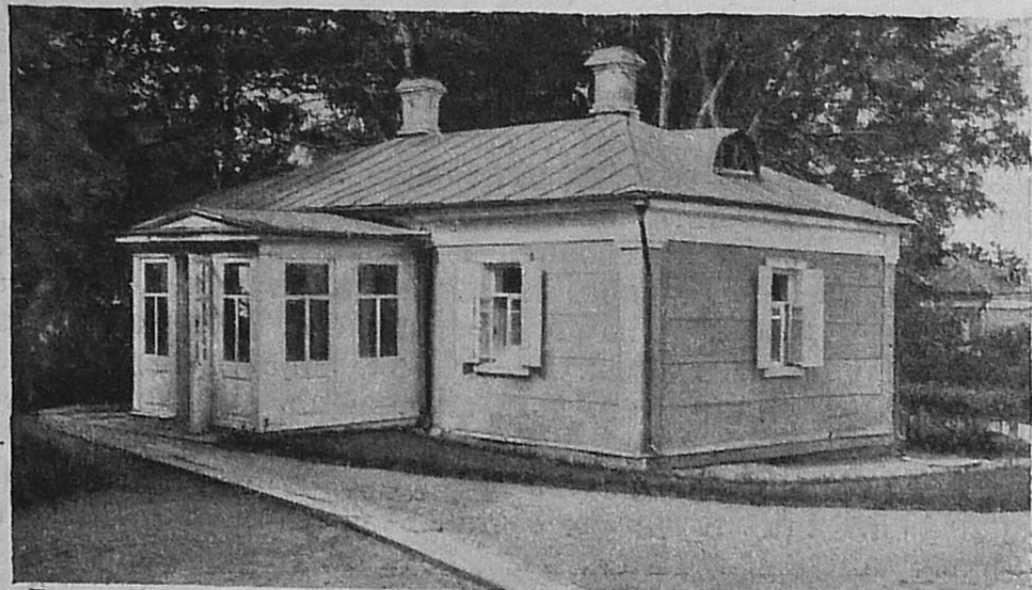
Храмъ въ с. Бородинѣ. Одна изъ первыхъ непріятельскихъ гранатъ во время знаменитаго боя попала въ куполь храма.

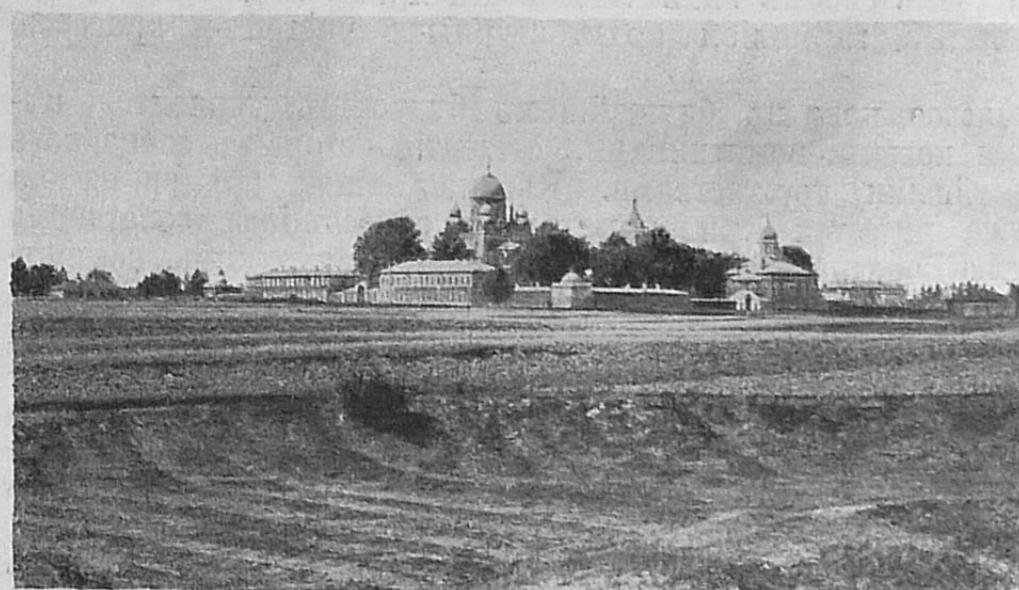
Шевардинскій редутъ, взятый французами 24 августа. Въ бою 26 августа на этомъ курганѣ сначала находились французскія батареи, а затѣмъ штабъ Наполеона, откуда онъ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Всѣ деревья теперь снесены, и редуту придается первоначальный видъ.

Молотьба. Правый берегъ рѣки Колочи у дер. Горки, гдѣ по берегу было расположено 34 русскихъ орудій.

Первое зданіе. Сторожка на Бородинскомъ полѣ, построенная М. М. Тучковой. Въ этой сторожкѣ она все время жила, наблюдая за постройкой храма, и въ ней же скончалась. Сторожка построена въ то время, когда на полѣ оставались еще слѣды кроваваго боя.

Спасо-Бородинскій женскій монастырь, построенный на мѣстѣ центральной Семеновской флеші супругой убитаго ген.-м. Тучкова. Маргарита Михайловна Тучкова была и первой игуменьей монастыря.

Уборка ржи. На этомъ полѣ разыгралось кавалерійское столкновеніе, завершившее собою Бородинскій бой.

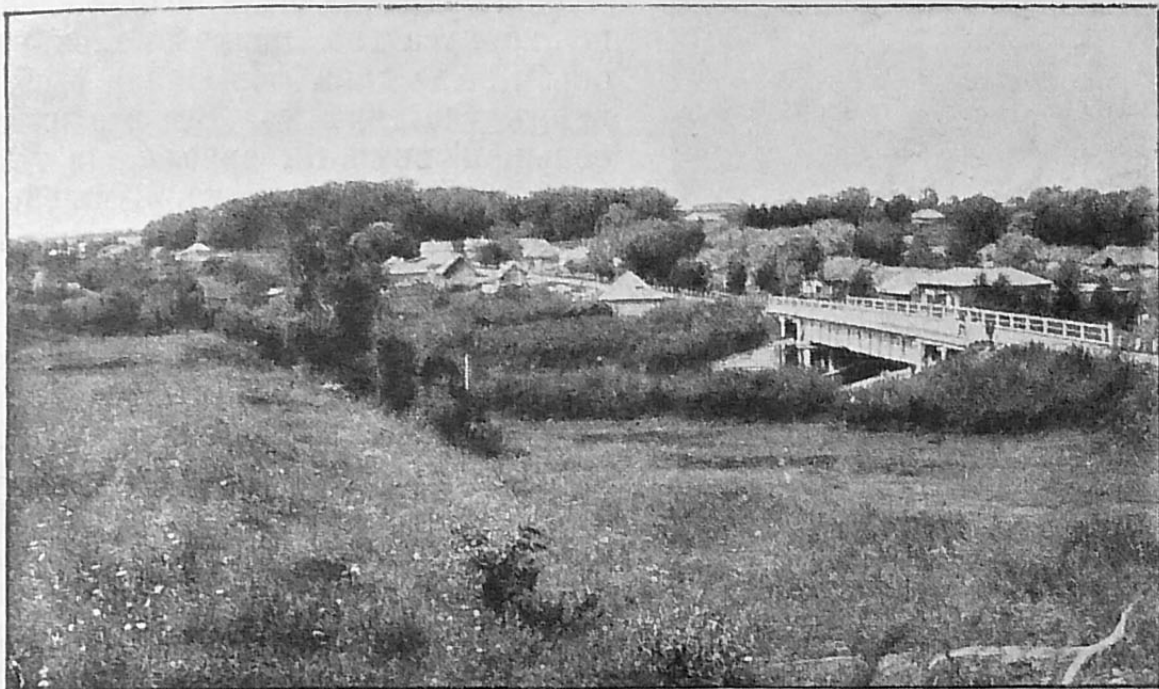
На сѣнокосѣ. Дер. Татариново, гдѣ въ дни Бородинскаго боя находилась главная квартира Кутузова.

Пастухи. Французская батарея, построенная 25 августа против с. Бородина. Съ этого мѣста 25 августа Наполеонъ изслѣдовалъ позиціи русскихъ, и здѣсь у него съ маршаломъ Даву происходилъ разговоръ о планѣ боя.

На Багратионовыхъ позиціяхъ.

С. Бородино съ мостомъ черезъ р. Колочъ. Около этого моста была первая схватка нашихъ егерей съ французскими шассерами. Это—начало знаменитаго боя.

Уборка монахинями сѣна. Здѣсь произошелъ самый кровопролитный моментъ боя, въ которомъ былъ смертельно раненъ кн. Багратионъ.

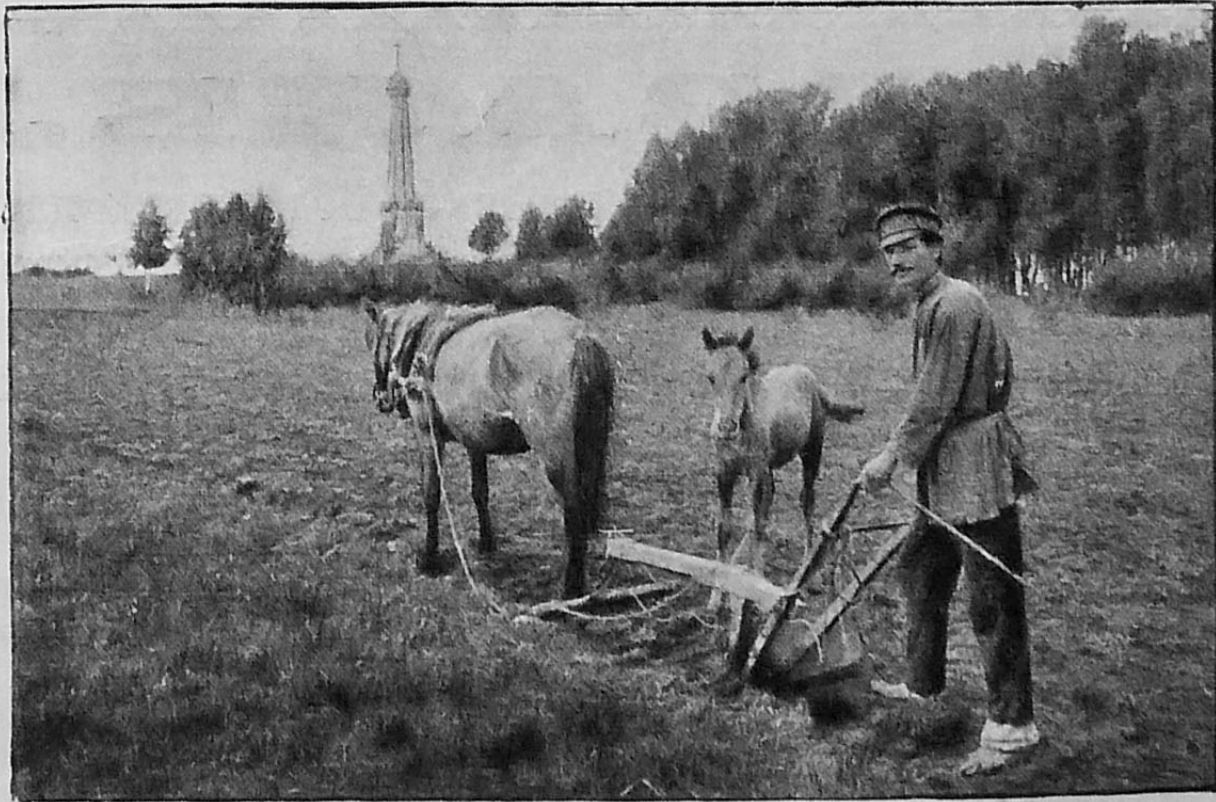
За отбиваніемъ косы. Деревня Валуево, въ которой Наполеонъ провелъ ночь на 26 августа.

Жатва. Мѣстность между дер. Беззубовомъ и Захарьиномъ. Здѣсь произошло столкновение кавалеріи Уварова съ кавалеріей Орлана.

Дворецъ въ с. Бородинѣ.

Пахарь. Курганы Раевского. Вдали памятникъ, воздвигнутый въ 1839 г. на мѣстѣ скрытой батареи.

орлинаго таланта съ мѣщанствомъ узко-практическихъ воззрѣній закончилась у А. Тадемы торжествомъ его артистическаго влеченія. Въ 1852 году онъ поступилъ въ антверпенскую академію художествъ. Еще ранѣе того Тадема увлекался археологіей и вѣковою стариною. Это увлеченіе сказалось въ самомъ началѣ его художественной дѣятельности и стало для него руководящимъ. Онъ зачитывался классиками и старательно, по первоисточникамъ, знакомился съ древнимъ бытомъ и жизнью. Его учителемъ въ академіи былъ извѣстный въ свое время художникъ Лейсъ, знатокъ археологіи и авторъ картинъ изъ старинной жизни. Но ученикъ блистательно превзошелъ учителя. Сухость и „книжность“ сюжетовъ Лейса Тадема оживилъ и одухотворилъ своимъ блестящимъ талантомъ и творческой проникновенностью въ самый смыслъ и духъ изображаемой эпохи. Первая же изъ его крупныхъ картинъ въ этомъ родѣ — „Воспитаніе сыновей Кунигунды“ (1862 г.) — принесла ему крупный успѣхъ и извѣстность въ широкой публикѣ и была приобрѣтена бельгійскимъ ко-ролемъ.

Послѣ того А. Тадема много путешествовалъ, былъ въ Италіи и Греціи и изучалъ на мѣстѣ природу древней Эллады и дивныя древности классической Греціи и Рима. Это путешествіе освѣтило для него старину и доставило ему возможность еще ярче воспроизводить многовѣковую древность въ живыхъ образахъ.

Въ 1874 году Альма Тадема переселился въ Лондонъ и съ той поры не покидалъ Англій. Онъ отличался большою плодовитостью. Имъ написано множество картинъ, изъ которыхъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія: „Катуллъ у воспѣтой имъ Лесбіи“, „При входѣ въ римскій театръ“, „Тарквиній Гордый“, „Римскій любитель искусствъ“, „Убіиство Калигулы“, „Аудіенція у Агриппы“, „Іосифъ, домоправитель фараона“, „Императоръ Клавдій“, „Импровизаторъ“, „Римскія бани“ и др.

Альма Тадема создалъ цѣлую школу послѣдователей. Его любовь къ античной древности и къ древней красотѣ нашла откликъ и въ другихъ художникахъ, и „культъ предковъ“, трактованный покойнымъ художникомъ въ такихъ прекрасныхъ формахъ, разросся въ цѣлое направленіе въ живописи. Кое-что въ этомъ направленіи уже устарѣло: напримѣръ, нѣкоторая условность, приподнятость и слащавость тона. Но проникновеніе въ старую жизнь у Тадемы поражаетъ своей интенсивностью и придаетъ его произведениямъ непреходящій интересъ и цѣнность. Его художественная кисть приобщаетъ насъ къ давнопрошедшему и вызываетъ въ насъ тоску по старой красотѣ, по благороднымъ античнымъ завѣтамъ и идеаламъ.

Вильямъ Бутсъ. (Портр. на этой стр.)

7 августа с. г. въ Лондонѣ скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей — организаторъ Арміи спасенія Вильямъ Бутсъ.

Это былъ „совершенствователь челоѣчества“ въ лучшемъ и благородномъ смыслѣ этого слова. Онъ поставилъ задачей всей своей жизни поднимать павшихъ, исправлять слабыхъ, поддерживать погибающихъ и вести дѣятельную борьбу съ общественными пороками.

Надъ Бутсомъ и его Арміей спасенія вначалѣ много смѣялись. На него нападали за якобы сентиментальное и безпочвенное

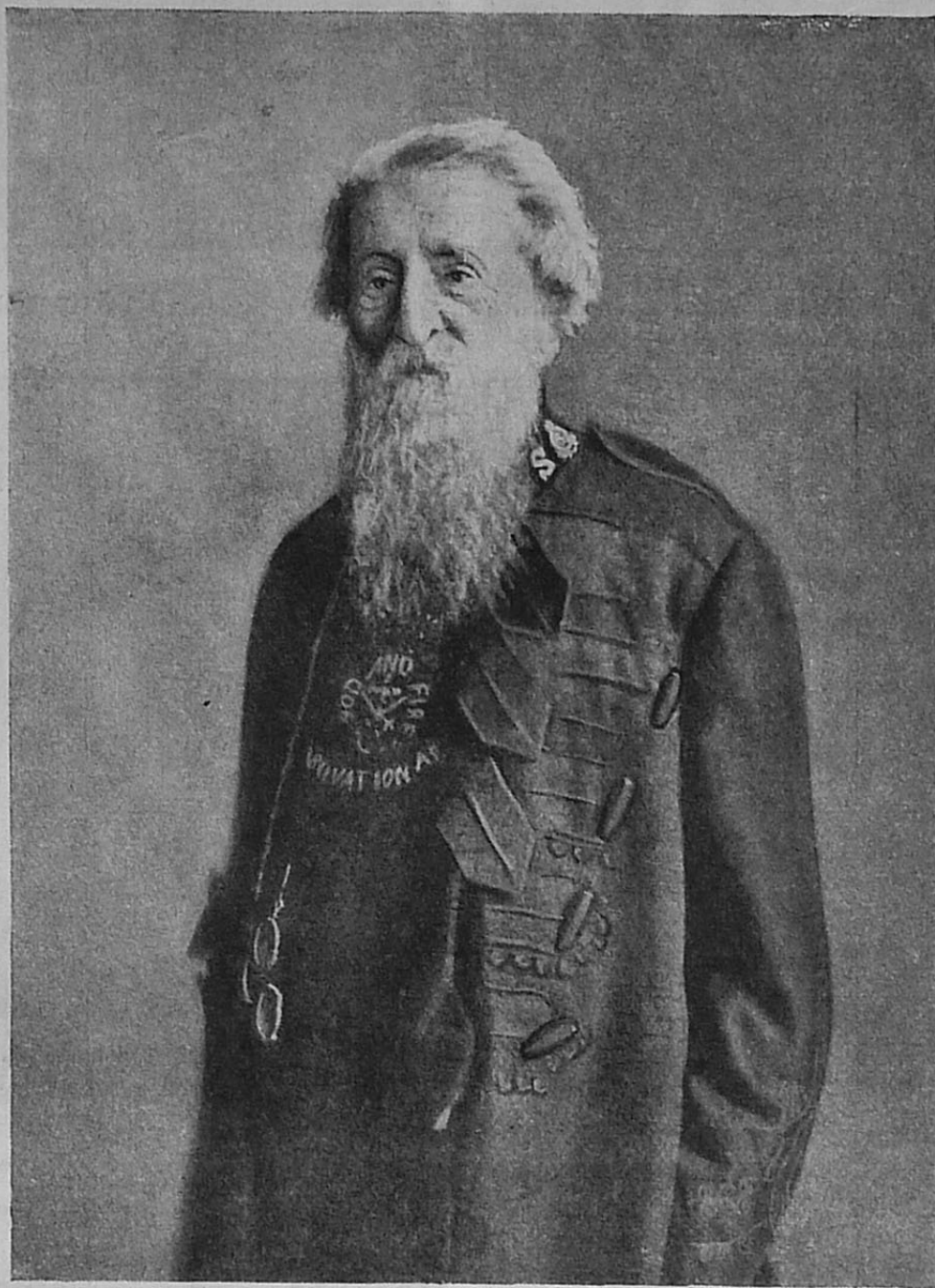
проповѣдничанье и за „фарисейство“. Но жизнь сама показала колоссальное значеніе „арміи“. Именно, въ ней не было ни безпочвенности ни фарисейства, но искренняя дѣятельная любовь къ челоѣчеству. Бутсъ возымѣлъ остроумную мысль — дать своей организаціи военный характеръ: его общество получило внѣшнее подобіе арміи, войска. Были установлены чины, званія. Члены общества были подраздѣлены на „корпуса“, на „полки“, на „батальоны“, была дана форменная одежда всѣмъ участникамъ. Все это имѣло большой внѣшній ореолъ для тѣхъ простыхъ людей, къ которымъ обращался Бутсъ и которыхъ онъ поднималъ отъ звѣринаго образа къ челоѣческому.

Вильямъ Бутсъ родился въ 1829 году въ Ноттингамѣ въ Англій. Къ прославившей его дѣятельности онъ приступилъ вмѣстѣ со своей женой — и вначалѣ въ довольно скромныхъ размѣрахъ: онъ организовалъ нѣчто въ родѣ религіозно-нравственнаго кружка для подъема нравственности въ бѣднѣйшемъ и порочнѣйшемъ кварталѣ Лондона, Уайтчепелѣ. Главная квартира кружка помѣщалась въ простомъ трактирѣ — чтобы быть ближе къ мѣсту дѣйствія.. Мало-по-малу кружокъ разросся — и тогда-то Бутсъ и переорганизовалъ его въ „армію“. Армія спасенія всегда выступала активно и очень внушительно: съ барабаннымъ боемъ, сомкнутыми рядами. Члены „арміи“ собственноручно оттащивали

пьяницъ отъ кабаковъ, увлекали въ свои ряды бродягъ и падшихъ женщинъ — и послѣ того всѣ эти подобранные „на полѣ сраженія“ получали работу устраивались Бутсомъ на заводахъ, на фермахъ и т. д. Позднѣе Армія спасенія стала обладать крупнымъ капиталомъ, земельными имуществами — и все это такъ или иначе служило цѣлямъ „арміи“...

Въ настоящее время Армія спасенія состоитъ изъ 8.972 корпусовъ (полковъ) въ 56 государствахъ. Въ ней числится 21.203 офицера. Самъ Бутсъ считался генераломъ и былъ дѣйствительно утвержденъ въ генеральскомъ чинѣ королемъ Англій Эдуардомъ VII.

Ему наследуетъ сынъ его, числившійся дотолѣ „начальникомъ штаба“.

Генераль Арміи спасенія, Вильямъ Бутсъ.
(1829—1912 г.)

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки, подписная плата за „Ниву“ 1912 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года**. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленною присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ № 36-го** (отъ 8 сентября). При высылкѣ денегъ гг. иногородніе подписчики благоволятъ обозначать **на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли** или прилагать самый адресъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Тайна. Разсказъ Н. Олигера. — Синіе Острова. Стихотвореніе М. Пожаровой. — Аполлонъ Бельведерскій. Повѣсть минувшихъ лѣтъ. Н. Н. Брешко-Брешковскаго. (Продолженіе). — Юбилей страданія и славы. Очеркъ. (Продолженіе). — Памятники Отечественной войны. — Альма Тадема. — Вильямъ Бутсъ. — Заявленіе. — Объявленія.
РИСУНКИ: Профессоръ Альма Тадема. — Сафо. — Послѣдняя египетская казнь. — Фредегонда. — Памятники Отечественной войны (22 рисунка). — Бородинское поле въ наши дни (16 рисунковъ). — Генераль Арміи спасенія Вильямъ Бутсъ.
Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за Сентябрь 1912 г., 2) „ПАРИЖОНІЯ МОДЫ“ за Сентябрь 1912 г. съ 42 рис. и отдѣльн. листъ съ 28 черт. выкр. въ натур. величину и 28 рис. для выжиганія.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.